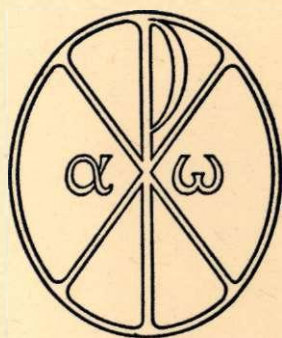

LE MESSENGER
TRIMESTRIEL

ВЕСТНИК

**РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО
ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ**

ПАРИЖ—НЬЮ-ИОРК

№ 68-69

I-II — 1963

СОДЕРЖАНИЕ

От Редакции	1
Адрес епископу Сильвестру от Р.С.Х.Д.	2
Юбилей епископа Сильвестра — Никита А. Струве	2
Мысли об искусстве — проф. Л. П. Карсавин	6
Пламя под пеплом. (По поводу первой сессии Второго Ватиканского Собора) — проф. Л. А. Зандер	16
Вопрос о «Семидесяти Апостолах» — свящ. Г. Сериков	25
Последнее земное целование — проф. Б. И. Сове	36
Борис Иванович Сове	42
Отец Лев Липеровский — свящ. Г. Сериков	43
Памяти прот. Льва Липеровского — С. Ш.	50
Памяти Ю. И. Демидова — прот. А. Семенов Тянь-Шанский.	53
Верный друг — И. В. Морозов	55
Памяти друга — Петр А. Струве	58
Памяти Н. Н. Бубнова — проф. Л. А. Зандер	60
Памяти И. Нехорошевой-Лосской — О. В. Икскуль	63

БИБЛИОГРАФИЯ

Слова и поучения блаженной памяти Митрополита Владимира — прот. Семенов Тянь-Шанский.	65
<i>Louis Evelyn. — Rencontres avec le Christ</i> — прот. Семенов Тянь-Шанский	66

ХРОНИКА

Работа Р.С.Х.Д. во Франции	
Съезд Р.С.Х.Д. во Франции	68
Работа Юношеского Отдела Р.С.Х.Д. — К. А. Ельчанинов	71
Кружки Р.С.Х.Д.	73
«Иванов» в постановке театральной группы Р.С.Х.Д. — В. Н. Ильин	74
Неделя молитвы о единстве христианского мира — К. В. Куломзина	78

Подписная плата на год: 10 Ф. С целью поддержки: 15 Ф.

Во Франции подписную плату просим вносить только на почтовый счет РСХД:

C.C.P. Paris 2441-04. Action Chrétienne des Etudiants Russes, 91, rue Olivier de Serres, Paris-15°.

4 numéros par an. Abonnement annuel: 10 F. Prix du N° 2,50 F.
Adresse de la Rédaction: Action Chrétienne des Etudiants Russes, 91, rue Olivier de Serres, Paris-15°. France.

От Редакции

Пасхальная радость для местного Движения во Франции была омрачена печальным событием: вынужденным отъездом из Европы в Америку епископа Сильвестра.

Со слезами на глазах члены Движения прощались со своим любимым архипастырем в Светлый Понедельник в Введенском Храме. Последнюю свою литургию в Европе Владыка отслужил в Светлый Вторник на съезде Юношеского Отдела Р.С.Х.Д., подчеркнув лишний раз свою глубокую связь с Движением, благодаря которому более 30 лет тому назад он решил встать на путь служения Церкви.

Грусть разлуки была обоюдная. Чувствовалось, что и Владыке Сильвестру не легко покидать свою паству, не легко покидать и Движение во Франции, с которым за последние годы он особенно сблизился.

Но как бы ни была глубока наша грусть и наша потеря, мы знаем, что Владыка Сильвестр, где бы он ни был, остаётся убежденным и верным членом Движения, и надеемся, что в скором будущем начнется новая страница в его служении Движению.

Наша грусть еще умиряется мыслью о том, что то, что мы теряем, другие приобретают. Помимо Движения во Франции, существует, в виде отдельных групп Движение в Америке. Сеем надеяться, что пребывание Владыки Сильвестра в Америке поможет объединению и возрождению деятельности Р.С.Х.Д. в Канаде и Соединенных Штатах. И потому в плане общецерковном, Православной Церкви в Западной Европе определено промыслом Божиим умалеть, чтобы дать более многочисленной Церкви в Новом Мире возрастить.

В этом свете общецерковной икономии мы и должны рассматривать отъезд Владыки Сильвестра, чтобы «печаль наша в радость предложилась».

АДРЕС ЕПИСКОПУ СИЛЬВЕСТРУ ОТ РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Дорогой Владыка Сильвестр!

Сегодня исполняется знаменательный юбилей в Вашей жизни: двадцать пять лет со дня Вашего рукоположения. Четверть века Вы уже служите Христу и Его Церкви. И где бы Вы ни служили в священническом или епископском сане, в Париже, на востоке или на юге Франции, всюду Ваша деятельность была плодотворной, творческой, согласной евангельским заветам и церковным канонам. Везде Вы были настоящим духовным отцом, объединяющим вокруг себя все живые силы церковных общин.

Мы особенно рады, что в столь знаменательный день Господь Вас привел служить в Церковь Введения во Храм Пресвятой Богородицы, вокруг которой протекает работа Русского Студенческого Христианского Движения, членом коего Вы являетесь уже более 30-ти лет. Нам особенно ценно, что Вы, встав на путь сознательного и ответственного служения Церкви, не только сохранили интерес к работе Движения, но оказались верным его другом, разделяющим и по сей день цели, задачи и установки Движения. Для Вас Движение осталось своей семьей и Движение в свою очередь чувствует в Вас своего отца и покровителя. Да будут для Вас эти скромные слова выражением нашей преданности и подлинной любви к Вам.

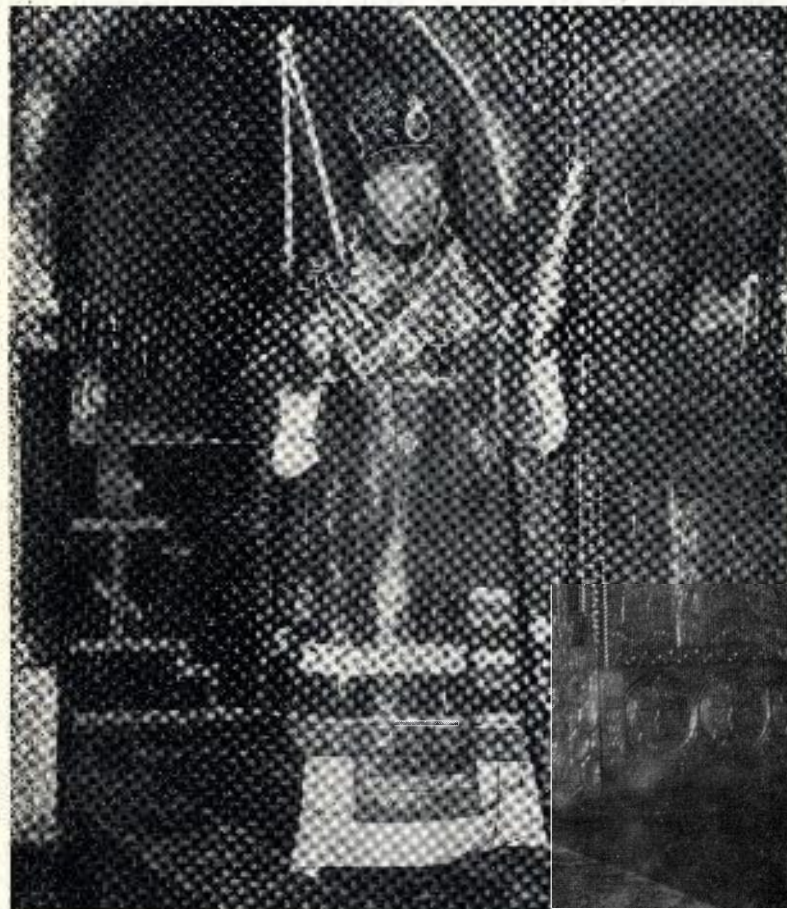
Члены и друзья Р.С.Х.Д.

Н. А. СТРУВЕ

Юбилей епископа Сильвестра

В крестопоклонное воскресенье 17 марта, с. г., вечером, в помещении Введенской Церкви, многочисленные друзья и почитатели преосвященного Сильвестра, епископа Мессинского, собрались отметить двадцатипятилетие служения Владыки в иерейском, а затем епископском сане. Собрание началось по всем правилам юбилейных торжеств. После торжественного молебна, за чашкой чая, Владыке был зачитан адрес от Русского Студенческого Христианского Движения, затем протопресвитер Виктор

Юрьев в кратком, но очень теплом и радушном слове, выразил те родственные чувства, которые Введенский приход питает к Владыке, и, в знак этих чувств, преподнес юбиляру икону Введения во Храм Пресвятой Богородицы. Затем попросил слово сам Владыка. Все ждали, что Владыка ограничится несколькими словами

благодарности. А Владыка начал пространный и захватывающий рассказ о пройденном им жизненном пути... И с первых слов его речи «традиционное» собрание превратилось в своего рода духовный праздник, духовный пир.

Просто, скромно, но удивительно глубоко рассказал Владыка о главных этапах своей жизни. К сознательному служению Христу и Его Церкви он пришел благодаря Русскому Студенче-

скому Христианскому Движению. Духовный руководитель Движения о. Сергей Четвериков затянул его, верующего обычной бытовой верой, юношу, отчасти против его воли, в кружковую работу Движения. Движенческая работа, которая в Латвии протекала в неимоверно тяжелых условиях гонения со стороны правительства на все русское, скоро увлекла его целиком. Быть в Движении — это было своего рода исповедничеством. Владыка вспоминал, как молодые движенцы обещались всегда говорить на улице по-русски (несмотря на запрет властей) и всячески отстаивать православную веру. То было время жесточайших гонений на церковь в России. Молодые движенцы ходили походом на русскую границу и клялись всю свою жизнь отдать церкви, чтобы возместить ущерб, нанесенный гонениями. Эту клятву дал и Владыка и решил поступить в парижский Богословский Институт.

Однако родители Владыки желали, чтобы их сын поступил в местный Рижский Университет и не дали ему разрешения ехать в Париж. Будущий Владыка проявил немалую настойчивость: по окончании средней школы, он отказался поступить в Университет и целый год не учился, отдавая все свободное время Движению. Когда и на второй год Владыка отказался поступить в Университет, родители дали ему, наконец, разрешение ехать в Париж...

Владыка расстался со своими друзьями и наставниками по Движению, большинство из которых погибло впоследствии, кто в немецких, кто в советских тюрьмах и лагерях.

По окончании Богословского Института, в 1938 году, 23-летним юношей Владыка принял монашеский постриг, был посвящен в священники и послан на приход на Восток Франции... Через год грянула война... Круг пастырских обязанностей расширился: молодой иеромонах обслуживал сначала православных французских воинов на линии «Мажино», затем военнопленных... С 1941 года, после нападения Гитлеровской Германии на Россию, во Францию стали прибывать тысячами вывезенные на тяжелые работы несчастные русские люди. О. Сильвестр тут же решил бросить свой благоустроенный приход и отдать свои силы этим несчастным. И тут ему пришлось проявить немалую настойчивость: и церковные власти, и друзья были против такой необычной затеи. Владыко добился своего и получил официальное назначение на англо-нормандские острова, где голодные и оборванные русские юноши строили атлантическую стену. Когда в первый раз Владыка прибыл на остров Jersey, сердце его поколебалось: условия были ужасающие. Молодые русские люди жили по восьмисот в одном бараке. У них не было ничего, кроме вшивой

одежды. Еду — суп — они получали только раз в день. Был момент, когда Владыка пожалел, что бросил свой приход, но вспомнил клятву Движенцев в Латвии и остался жить в этом «Мертвом доме» XX столетия. Введенский приход (Движение, как организация, было тогда закрыто немцами) стал центром помощи: оттуда Владыка рассылал свои послания с просьбой помочь обреченным на голодную смерть русским людям, собирались пожертвования и высылались на острова... Тогда же Владыка потерпел за правду: какой-то эмигрант-переводчик, прислуживавшийся к немцам, настроил на Владыку донос и Владыка был арестован Гестапо и просидел 6 недель в одиночном заключении... «Донос шел, сказал Владыка, не от советских ребят, а от русских эмигрантов». Свои не познаша... Трудно передать все, что Владыка рассказал об этих годах, которые для него останутся, как он сказал, самыми драгоценными, самыми светлыми в его пастырской жизни.

После войны жизнь Владыки потекла ровнее. Он был назначен в Париж на приход, который находился на rue de la Tour, ныне упраздненный, и занялся, главным образом, педагогической деятельностью. Совместно с Антониной Михайловной Осоргиной им была создана четверговая школа, которая существует и по ныне.

В 1952 г., 37-ми лет, Владыка был призван к епископскому служению. Ему было поручено редакторство Церковного Вестника, председательство миссионерского комитета... В 1956 г. Владыка принял назначение в Ниццу... В заключение своей речи Владыка сказал, что он ни разу в жизни не жалел, что избрал путь пастырского служения. «Если я остался, и, надеюсь, останусь до конца жизни членом Движения, то это потому, что Движение помогло мне вступить на путь пастырского служения».

Речь Владыки глубоко проникла в души. Все почувствовали, что собрание вылилось в значительное событие духовной жизни.

Многие пожелали выступить с мест. Первое слово сказал И. В. Морозов. Он поделился своими воспоминаниями о встречах с Владыкой и совместной работе с ним. Свое искреннее слово И. В. Морозов закончил тем, что умолял Владыку не покидать православных в Западной Европе. Проф. Л. А. Зандер сказал, что подобно тому, как о. Сергей Четвериков был назван «протоиереем всей Европы», так и Владыку Сильвестра можно назвать «епископом всей молодежи». Затем выступил почитатель Владыки М. А. Павлов и сказал, что в Канаде Владыке Сильвестру откроется неизмеримо более широкое поле деятельности, чем то, которое ему было

предоставлено в Ницце. На это ответил председатель Союза Инженеров А. С. Крапивин, громко и отчетливо провозгласив: «Владыка ни в коем случае не должен покидать Европы». Его слова были покрыты громом бурных, долго не смолкавших аплодисментов. С теми же пожеланиями выступили и многие другие...

Все, кто побывали на этом чествовании Владыки Сильвестра, ушли духовно обогащенными и подбодренными... Но у всех было чувство: допустить отъезд Владыки Сильвестра из Европы, где так скудны духовные силы православных, было бы настоящим грехом против Церкви.

Л. П. КАРСАВИН

МЫСЛИ ОБ ИСКУССТВЕ*)

Искусство есть усовещающее преобразование природы человеком и потому ее очеловечивание. Мы противопоставляем человека природе в том случае, когда человек себя превосходит, т. е. перестает им быть; только через человека природа осознает себя. Чтобы совершенствовать природу надо видеть ее совершенной (у нас есть смутная интуиция ее совершенства) и в то же время мы видим ее несовершенной. Эта интуиция совершенства — ее раскрытие в данном конкретном случае — и есть эстетическая ценность. Красота совпадает с истиной. Отсюда — эмоция, чувство эстетического восхищения, т. е. чувство, сопровождающее восхищение абсолютным. Когда мы говорим, что пейзаж красив, мы его тоже преобразуем, как это делает в картине ху-

*) Примечание Редакции:

Эта посмертная рукопись известного русского религиозного мыслителя Льва Карсавина была доставлена в Европу из Советской России окольными путями. Точную дату ее написания установить трудно. Написана она была во всяком случае не раньше 1946 года. Очень возможно, что ее следует отнести ко времени пребывания Льва Карсавина в концентрационном лагере на Дальнем Севере. Как известно, Карсавин был арестован в 1948 г. и умер в заключении в 1952, за два года до амнистии (см. «Вестник» № 64-65, стр. 18). Полученная нами машинопись мало удовлетворительна. В некоторых местах Редакция «Вестника» внесла необходимые поправки. В одном из ближайших номеров «Вестника» будет напечатано другое посмертное произведение Карсавина: большая религиозно-философская поэма, озаглавленная «Бог».

дожник. Абсолютно совершенного искусства нет, так как оно плод несовершенного мира. Безнаказанно смотреть на совершенное совершенство нельзя — сам станешь совершенствоваться.

О реализме

Чистяков говорил: «Надо изображать действительность так, как она есть на самом деле, но и чуть-чуть не так». Таким образом, реализм тоже не есть только отображение природы. Если этого «чуть-чуть нет — это уже не искусство. Серов, когда писал портреты, полу-шутя говорил: «А вот здесь нужно ошибиться».

Рода искусства

Архитектура есть преобразование самой природы. Живопись — преобразование образа природы — в чем она и как она должна быть преобразована; указание на смысл возможного преобразования, которое происходит в красках, линиях. Она (живопись) не есть сама природа. Скульптура есть частичное преобразование самой природы, указание на смысл этого преобразования. Скульптура, как и архитектура, действительно существует.

Когда Курбе и Милле случилось вместе писать каждому свой этюд, одной и той же местности, Милле долго присматривался в поисках наилучшей, открывающей красоту вида точки зрения. Курбе демонстративно садился где и как попало, и давал эстетически прекрасное изображение для других эстетически безразличной действительности. Видел ли Курбе, что оставалось невидимым для других, или в большей, чем они, степени, обладал даром изменять видимое, делать его изображение эстетически прекрасным. Возможно, что он лукавил, заранее незаметным для простодушного Милле образом, намечал место, на которое потом как бы невзначай садился. Возможно, что друзья слишком легко поверили горделивому пояснению и известному *Bonjour Monsieur Courbet*. Как бы то ни было, у большинства людей сама по себе природа непосредственно переживания ее красоты не вызывает. Они наслаждаются теми видами природы, которые им опосредствовали авторизованные виды, путеводители, привычные художники. Воспринимая красоту природы, художник природу изменяет. Он, руководясь своим привычным и потому трудно определенным (*amo qui amo*) инстинктом или критерием прекрасного: 1) выделяет из

воспринимаемого, как некоторое целое, малую часть («вид»); на этом, впрочем, недостаточном основании считает себя художником и фотограф; 2) вниманием своим «усиливает» одни его стороны и «приглушает» другие; 3) связывает линии и краски видимого, звуки слышимого с тем, что они символически вызывают в его собственном сознании. Вызывающий специфически-эстетическое наслаждение «вид» — не образ или отражение природы в пассивном сознании субъекта, и смысл искусства не может заключаться в подражании природе. В. Н. Серов, работая над портретом, часто с шутивым огорчением говаривал: «Теперь надо где-то ошибиться». Он повторял мысль своего учителя Чистякова, усвоенную и Суриковым, — искусство должно изображать действительность, но так, чтобы изображенное «чуть-чуть» отличалось от изображаемого. Впрочем, «чуть-чуть» — величина переменная, зависящая от того, что именно изображается: поверхность объекта или его суть. Мера «чуть-чуть» колеблется от реализма до кубизма. И отличающее объект от «художественного образа» «чуть-чуть» может быть как субъективным, так и объективным и, вероятней всего, субъективно-объективным. У Гомера образы природы органически сочетаются с жизнью и любовью человекоподобных богов, потому что Гомер за богом воспринимал символизируемую им ту же природную стихию и живо ощущал единую, вечно меняющую облик свой, являющуюся то как бог, то как человек или зверь, то как дерево, река, море или вихрь, природу. Гомеровские боги не истинные, но символизируют они истину, пока в них верят. Древнее искусство Индии эстетически не противоречиво вплетало в пышную листву дерева подобную фигуру Якшини, но Сикстинская Мадонна Рафаэля только чудом держится на облаках, а не продавливает их, как рядом с нею кокетливая Варвара. Греки создали эстетически убедительный образ кентавра (мифологическое существо полу-человек — полу-лошадь) и почти столь же убедительны и органичны мучающие св. Антония бесы у Шонгауэра и Грюневальда. Но эстетически не приемлемы Дюреровский ангел с колоннами вместо ног, чудище Иеронима Босха, индийский Шива с приклеенными лишними руками. Приемлемость художественного произведения обусловлена тем, что каждое из них, оставаясь самим собою, является и символом целого, но не теоретическое рассуждение определяет, приемлем ли, символичен ли данный элемент, не отвлеченная идея, а инстинкт прекрасного.

Социальная личность, как субъект художественного творчества и сотрудничество с нею природы естественно обнаруживаются в таких веках создающихся художественных ансамблях, как город

(его дома, церкви, дворцы, стены, улицы) вместе с окружающим его пейзажем. Поучительно наблюдать в больших городах, напр. в Париже, промежуточную зону (окраину города), где творческая сила городского общества и окружающей природы словно интерферируется (усиление или ослабление волн, звуковых, световых, тепловых, электрических, при наложении друг на друга) и становятся невидимыми: бесстильные строения, жалкие подобию садов и лугов, безвкусно утилитаристические огороды и сараи..., все это едва ли переубедит догматика — закосневшего в позитивизме (Конт, Спенсер) — противопоставляют теоретическому мышлению (позитивные) положительные данные опыта читателя, сколько бы ни твердить ему о жизни природы и безотчетно-бессознательно целесообразной деятельности, которой «держится» весь мир.

Понятней ли ему «инстинктивная» целесообразная художественная деятельность социальной личности, скажем, городского общества древней Греции, европейских средневековья и Ренессанса. А ведь есть инстинктивная целесообразность в каком-нибудь нескольких поколениях созданном готическом соборе анонимностью старого искусства, приматом школы (хотя именно готика — один из наиболее рационалистических стилей). Господство школы отнюдь не означает, что школа, скажем Веррокио, мыслима без Леонардо-да-Винчи; но с другой стороны, еще Рубенс непонятен без Ван-Дейка, Скайдерс без всей своей мастерской.

Можно говорить о том, что старые школы были недостаточно развившимися социальными личностями именно потому, что работа их представителей слишком традиционна. Но в старых «школах», благодаря недоразвитости социальной и (что, по существу, то же самое) индивидуальной личности, достигалась некоторая взаимоуравновешенность обоих. А такое равновесие обуславливало силу и, главное, органичность восприятия и воспроизведения действительности: индивидуум индивидуализировал традиционно-социальное, и это делало его индивидуальностью. В его художественной деятельности наименьшим значением обладало суживавшее ее, затемняющее ее суть рационализирование, наибольшим — спонтанность, бессознательное в глубине своей сливающее человека с социальным целым и природой. С той поры поворотным моментом можно считать организованную почти на капиталистический лад мастерскую Рубенса — как пресловутое развитие индивидуальности, которое почти свело на нет школу и, в конце концов, привело к исчезновению крупных индивидуальностей (где Винчи и Микель Анджело XIX и XX вв.?). Стала неизбежной рационализация — субъективизация художественно-творческого процес-

са. Померкло сознание художником органической связи с социальной группой и обществом, с природой; ослабело чувство сотворчества человека и мира. Место бессознательно целесообразной деятельности заняло рационалистическое планирование, чудовищное у какого-нибудь Пювис-де-Шавана, ядовитое у Пулена; место замечательно-наивного, непродуманного, нарочитого, как шекспиризм пушкинского Бориса, традиционализма — заняли привносимые извне идеи, тенденциозность, литературщина.

Подлинный художник не может остаться потенциальным, удовлетворяться только художественным восприятием мира и сопричастием к творчеству другого. Без творческого воспроизведения воспринимаемого бытия само художественное восприятие неполно, бледно, расплывчато. Подлинный художник не в силах подавить в себе стремление воспроизвести эстетически воспринимаемый им объект; и только этим путем может он избавиться от кошмара, от мысли, что изменение им природы является чисто субъективным процессом, происходящим только в его сознании. Художник свободно преобразует материю и в ней, отображая, воплощает то, что усматривает во вне, как делаемую прекрасную и становящуюся прекрасной природу; в творчески-воспроизводящем же художнике, его сотворчество и единство с природой утверждается и воздействием на него самого (ведь ее, а не себя, он отображает), а не как в эстетическом восприятии, его воздействием на нее, которое в нем самом вызвало сомнение. Казавшийся субъективным процесс приобретает объективный смысл и значение, что естественно сказывается в состоянии, которое переживает сам художник и познают другие, как «одержимость», «вдохновение», «творческий экстаз». Не случайно древние считали художника, особенно поэта, познающим и возвещающим истину, пророком, и чтили его гений, а всякие рифмоплеты, мазилы, спившиеся и лицедеи доныне себя гениями считают. Неудивительно, что, вырезав себе из дерева уродца, дикарь поклоняется ему, как своему богу.

Свободно (не отображение ли его объекта его цель? не поиски ли заключенной в глыбе мрамора и только ему видимой группы статуй?) творит художник, влекомый неведомою силою, которая наполняет его смятением, звуками, образами. Его «ведет» материал (так или иначе, но всегда оформленная материя), в котором он воспроизводит воспринятое им, сообразное иногда мрамору, иногда дереву или бронзе, иногда движениям или звукам. Он в творчестве своем освобождается и свободен: объективной

действительностью, которую он воспринимает и стремится с возможной точностью воспроизвести», «снова сотворить».

Это новое творчество, оформляющее природу, материю художника по существу совпадает с творчеством и опознаваемой — воспроизводимой художником природы: иначе бы они не назывались одним словом — «творчество». Художник узревает в мире возможность и «начальность его будущей красоты», как неосуществленную и, вместе с тем, поработавшую его, художника, объективную данность и, может быть, и субъективную его мечту. Он чувствует себя отъединенным от мира, не может сделать воли мира осуществляющейся и всецело своей, ни своей — свободно-осуществляющейся волей мира. «Тоскует он в забавах мира», — и воплощает, отображает, узренную как возвышенную — волю мира в малой части мира как материи. Тем самым он осуществляет возможное и будущее в настоящем, или точнее, вострепнувшаяся, «как пробудившийся орел», душа возносится во всевременность совершенного, всепрекрасного мира. Таким образом, в творческом акте художник сливает свою волю, не теряя себя, с волею совершенного и чрез свободу или сознательное самоопределение свободного бытия, хотя «для детей ничтожных мира» и для самого художника это бытие еще не совершилось, а только «будет», но и в своем несовершенстве, в частичном причастии «будущему» (на деле же всевременному) миру — человеку, художник обретает утраченное, казалось бы, единство с природой. Бодлер досказывает, что делает поэт, «на берегу пустынных волн», в «широкошумных дубавах»: обездоленное дитя упивается сиянием солнца, во всем, что приемлет, находит амвросию (бессмертие) и пурпурный нектар; он играет с ветрами, разговаривает с облаками и веселится, распевая окрестной дороге, и мысль, которая идет за ним в его странствовании, плачет, видя его веселым, как птица лесов.

Что же именно в объективном бытии познается художником? Что творчески воспроизводится, что творимо? Разумеется, не само объективное бытие, каким оно было, пока в познании и действительности не стало прекрасным, но и не прекрасное само по себе, не отвлеченная красота. Отвлеченной красоты нет, и прекрасная природа есть эта конкретная природа. Чем же прекрасная природа отличается от просто природы и как возможно познать и отобразить красоту природы, если красота эта не отвлеченна, а конкретна? Возможно: либо путем восприятия создания красоты природы в самой природе, т. е. путем эмпирически (опытом) неосуществимого самоусовершенствования природы и человека, либо —

относительно и несовершенно — путем художественного отображения в искусстве совершенной «возможности» и будущей природы в природе как в материи. Так уясняется антическое значение искусства, по существу символического, т. е. в несовершенном бытии отражающего его совершенство.

Всякое произведение искусства не только не копирует объективного бытия, но и не копирует его красоты, ибо красота словно разлита в этом бытии, «срастворена» с ним, его пронизывая и освещая, от него неотделимая. Художник выражает ее тем, что дает нечто подобное прекрасной объективной действительности, и это подобие делает ее символом, одним из ее обнаружений. Поэтому в искусстве необходимо «чуть-чуть». Даже автопортрет или автобиография являются произведением искусства лишь в том случае, если художник противостоит себе самому. В этом тайна чудотворца Рембрандта. «Детство и отрочество» Л. Толстого во многих местах вызывает у читателя чувство стыда и, решаясь сказать, отворачивания именно потому, что неумный автор старается точно изобразить себя.

Истинный художник воспроизводит (а не переживает подобно провинциальному трагику) отстоящее от него объективное бытие, которое существует и развивается по своим собственным законам.

Закономерность, необходимость свободно воспроизводимого художником объективного бытия, инстинктивно была понята импрессионистами (представителями идеалистического направления в искусстве и литературе XIX в., которые старались передать мельчайшие оттенки личных переживаний, настроений и ощущений).

Правда, теоретически осмыслить свой опыт они не сумели. Они смешали объективность преобразующейся в красоту природы с объективностью природы, эстетически индифферентной и сохранили точным изображением объективного бытия свои впечатления. Значительный, строго говоря, единственный импрессионист Клод Моне сам не заметил, что открыл путь к единой во множестве своих явлений объективной действительности своим методом серии. Теоретизируя, импрессионисты неизбежно субъективизировали объективное бытие: сводили его закономерность к устройству человеческого глаза (Клод Моне под конец ослеп) и теориям физиков.

Искусство есть познание объективного бытия и себя самого, поскольку оно себя к нему относит и является им. Наука познает мир таким, каков он есть; искусство — таким, каким он

стремится, а потому и должен стать, и каков он есть за пределом эмпирического своего существования, в содержащем в себе, но и превышающем это существование «будущем» совершенстве. Наука совершенного, должного не видит и только на самых вершинах своих — в философии — его постулирует как необходимый вывод и как трансцендальную предпосылку эмпирического бытия. Несовершенно, «яко зеркало в гадании», но все же видит искусство. Когда наука задается целью усовершенствовать людей и мир, она, переставая быть наукою, становится религиозной метафизикой и плохим искусством вроде сна Веры Павловны или романа Bel Ami.

Наука эмпирична, искусство метафизично и религиозно. Тем не менее, искусство не религия. Конечно, было бы лучше, если бы Гете не был тайным советником, а Пушкин — одним из «детей ничтожных мира», и мы примиряемся с ничтожностью личной жизни художника, как и с тем, что он — «лишь божественный глагол» и бежит от людей и отдается пантеизирующему идеализму, а не приглашает солнце выпить чайку, как Маяковский.

Религия не познает несовершенное бытие, стремясь его усовершенствовать, спасти от гибели. Если она верна себе, она не скажет: «warte nur balde, ruhest du auch», потому что под «Ruhe» можно разуместь и полное исчезновение. Для религии совершенно символически, конкретно выражаемое искусством бытие, в познании и в действительности не существует без своего несовершенства. Уже в силу одного этого совершенное бытие религиозному созерцанию открывается иначе, чем эстетическому. Религия познает совершенство не только в символизирующей отраженности его несовершенством, и, по крайней мере, стремится познать и «лицом к лицу»; таким, каково оно уже есть. По объекту своему более родственное эстетическому познанию религиозное, здесь родственно научному.

Но оно снова сближается с эстетическим, как органически, конструктивно действенное. Однако, оно не довольствуется символическим отображением совершенства. Стремясь вознестись над несовершенной эмпирией и вознести ее с собою, религия требует действительного преобразования самого мира и всего мира. Творчески художественный акт приводит, как мы уже видели, к свободному соучастию человека в самообразовании мира.

Познаваемое есть истина. Но в искусстве и в религии она познаваема, как самообразование, самоопределение, усовершенствование мира — человека в религии, и как преображенность — совершен-

ство его в Боге. Поэтому, если в науке человек — раб истины, ибо не может этого не признать, в искусстве и религии истина делает его свободным, ибо он двуедин с нею и ее, как себя, жидет. Если же в религии он признает данное ему несовершенное бытие, от которого стремится убежать «свободолюбивый художник», так это для того, чтобы усовершенствовать его, преодолеть его данность. Эстетическое и религиозное познание есть созидание истины и человека тем, что уничтожает гнилые теории, суеверия и предубеждения. Все это только видимое освобождение, часто сводящееся к замене одного «боженьки» другим.

Оно освобождает самого человека, который в нем себя преодолевает. И радость творчества — радость свободы, не так часто случается с учеными, радость по своей природе, радость власти. По слову св. Василия Великого — «Сам Бог — небесных и над небесных художников». А Он ли не блажен своей свободой? Но радость творческой свободы в искусстве и религии различается. Художник лишь смутно, полусознательно переживает свое свободное причастие самоусовершенствованию мира, к тому же невозможного без спасения мира несовершенного, самой материи. Активность художника сосредоточивается в частичных символических образах совершенства, воплощаемых в материи. Истина радует и влечет художника, как им усматриваемая и знаменуемая силами заданности. А из всего уже изложенного ясно, что об эстетическом познании и следует говорить в том же смысле, в каком говорится об истине и ее познании применительно к науке и даже к религии. Применительно к искусству мы и говорим — о радующей, влекущей и возносящей, но лицом к лицу непознаваемой истине, как о красоте, о радости вызываемой ею и символическом ее отображении — как об эстетическом чувстве. Правда, на первый взгляд кажется, будто изменение объективного бытия происходит только в сознании эстетически его познающего. По видимости природа к эстетическим нашим переживаниям равнодушна и даже «красою вечной не сияет». А сами то мы, не природа что-ли? Всякое восприятие, не исключая эстетического — один объективно-субъективный, в любом своем моменте увиденный процесс, который начинается в так называемом объекте и кончается в так называемом субъекте, или наоборот — или в объекте и субъекте сразу. Не следовало бы диалектическому материалисту предполагать существование надстройки без «базы» и говорить об активности, то одного объекта, то одного субъекта.

Происходящие в эстетически «преобразуемом» сознании изменения мира определены известными границами, при выходе за

которые «прекрасный мир» теряет свою красоту или даже становится безобразным. Это легко обнаружить, когда нарушается должная мера «чуть-чуть» в таких художественных течениях, как модернизм, экспрессионизм, кубизм. Искусство Микель-Анджело движется на лезвии ножа. Есть границы и всплывающие и сливающиеся с объектом или его образом-символом. У Гомера же инстинкт увлекает с собою художника, хотя бы и потенциального, в его бессознательную жизнедеятельность, где он не отличен от природы, сливается с нею. Инстинкт индивидуализируется, но в истине, в существе своем, не индивидуален. Он приемлет или отвергает не по субъективному произволу, а как единый с объектом субъект, т. е. и объект в нем приемлет или, отвергая, накладывает печать объективности на субъективно-инстинктивные суждения. Потому субъект, поскольку он у себя отделяет объект, веление инстинкта — и кажется, немотивированным, иррациональным императивом. Границы символизации и объективны. Во всяком случае потребность иногда непреодолимую преобразовать, делать прекрасною самую природу, художник чувствует. Прорубая в лесу, открывающую из его дома красивый вид просеку, помещик является уже преобразующим мир художником; разбивая сад — маленьким.

Но если он преобразует природу, то и она, в свою очередь, определяет его преобразовательные цели, причем не только «пассивно». Таким образом получается их творческое сотрудничество. И в самом деле — надо сказать: со всеми людьми.

Искусство по существу своему социально; оно — сотворчество природы и человеческого общества. Не следует только в истолковании искусства во власть отдаваться идеалистической метафизике романтиков, с ее «духами народов»; а с другой стороны принимать эмпирические формы, в которых «становится» социальное. Художник видит и свободно воспроизводит героя через них, как через своего рода «магический кристалл»; свободно избирая героя, он не властен в его судьбе и поступках. Своим поведением Татьяна удивила самого не очень-то дорожившего чужой семейной честью, Пушкина и, повидимому, она помешала Чайковскому опорочить ее имя адюльтерным концом оперы.

ПЛАМЯ ПОД ПЕПЛОМ

По поводу первой сессии Второго Ватиканского собора.

«Пламя под пеплом». Эта формула принадлежит не мне: этими словами охарактеризовал Ватиканский собор Владыка Кассиан, присутствовавший на соборе в течение всей первой сессии. Но уместно спросить себя: что такое пепел? и что такое пламя? Пепел — это символ смерти, неподвижности, инертности; вместе с тем пепел сер и легок; он — не заметен, но все обезличивает и нивелирует; он не давит, а душит...

Пламя — символ жизни, движения, изменения; оно светит, согревает, но оно же и жжет; дыхание, горение, жизнь — все это теплота, то-есть огонь, пламя разной силы и интенсивности... Что же такое пепел и что такое пламя в жизни католической Церкви?

После «великой схизмы», противопоставившей папу в Авиньоне папе в Риме, после бури реформации и религиозных войн в жизни католичества настал период покоя. Символом его было Тридентское богословие; моментом его высшего торжества — первый Ватиканский собор. В исторической перспективе этот новый Римский мир (*Rex romana!*) явился победой куриальной системы над епископальным строем — господством курии. Именно курии, а не папства! Ибо папы сменяются. На «кафедре Петра» мы встречаем разных пап: самостоятельных и безвольных, добродетельных и порочных, благочестивых и мирских, пророков и политиков, священников и дипломатов. Но курия — во всех своих переменах — остается той же: это есть светская, бюрократическая организация с прочно установленными традициями. Папа может вступить на новые пути церковного управления; Папа может преследовать чисто религиозные цели и служить чистому идеалу церкви; но курия всегда будет связана интересами политики и власти, сохранение которой является ее главной задачей.

«La chiesa non è uno credo», сказал автору этих строк Ватиканский сановник, римский прелат: «la chiesa è una disciplina e uno impero» (Церковь не есть вера; церковь — это дисциплина и власть)¹⁾.

При чтении этой характеристики, принадлежащей перу одного из лучших знатоков католицизма, невольно вспоминаются слова

Достоевского (сказанные, правда, по другому поводу): «материалу хватит на тысячу лет, но **надо устроиться послушанию**». А вот результат: «какой порядок, какое, так сказать, затишье порядка! Поймите меня: не столько внешняя регламентация, которая ничтожна (сравнительно, разумеется), а колоссальная внутренняя, духовная, из души происшедшая... Как все довольны и совершенно счастливы, и как все, наконец, до того достарались, что и действительно уверили себя, что довольны и совершенно счастливы, и, и... остановились на этом».

Если мы обратимся к истории католицизма за последнее столетие, то увидим поистине печальную картину. Почти все новые начинания и новые течения, возникающие на местах, Римом безжалостно пресекались²⁾, и «поле научной работы католических ученых уподобилось кладбищу, на бесчисленных надгробных памятниках коего начертаны слова «*laudabiliter se subiecit*» (похвально подчинился)³⁾.

Однако, подчинились далеко не все. Сколько ученых, сколько церковных деятелей ушло из Церкви, чтобы продолжать свою работу! Сколько навсегда замолчало, предпочитая смерть заживо подчинению «генеральной линии». Но были и такие, которые продолжали работу: применялись, приспособлялись, делая шаг назад, чтобы потом сделать два шага вперед... Все это важно учесть, чтобы понять содержание и стиль работы собора, который в значительной степени выявил то, что давно тлело под пеплом режима курии, но разгорелось ярким пламенем, когда папа призвал членов собора к **свободному** обсуждению всех вопросов, волнующих католический мир.

Мы можем только кратко перечислить эти движения для того, чтобы лучше понять, что происходит и чем живет современный католицизм.

В первую четверть прошлого века, почти во всех католических странах возникло движение, которое Рим назвал «модернизмом» (самим представителям движения термин этот был чужд). Основной задачей этих богословов было приблизить католическое учение и церковную жизнь к духовным запросам современного человека, учесть данные современной науки, ответственно отнестись к социальной проблематике нашего времени. Движение это под-

²⁾ Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать интереснейшую книгу А. Dansette. *L'histoire du catholicisme en France*.

³⁾ Heiler, op. cit. p. 320.

¹⁾ F. Heiler. *Der Katholizismus, seine Idee und seine Erscheinung* p. 307.

верглось настоящему преследованию: сначала путем его осуждения буллой «Pascend» и декретом «Lamentabile», потом — путем жестокой чистки всех ученых и учебных заведений, введением строгого контроля над умами и, наконец, учреждением особой «присяги против заблуждений модернизма», которую должны были приносить перед рукоположением все клирики Римской церкви (а текст этой присяги занимает 60 больших страниц и фактически ограничивает католическую мысль одними официально принятыми и одобренными доктринами). Проблема, однако, осталась и над решением ее работали и боролись и богословы, и ордена, и светские церковные деятели. Процесс этот чрезвычайно сложен и история его высоко драматична; кое-чему мы были свидетелями сами (трагедия священников рабочих, разгром иезуитского факультета в Лионе...). Упрощая и схематизируя историю можно сказать, что борьба за «современность» Церкви протекала по четырем руслам:

1) по линии «литургического Движения», стремившегося восстановить литургический строй Церкви, вернуть евхаристии принадлежащее ей центральное место, ослабить значение частных культов, заслоняющих евхаристию, приблизить богослужебную жизнь к пониманию и жизни верующих;

2) по линии «библейского Движения», боровшегося за современные методы изучения и истолкования Свящ. Писания, за распространение Библии среди верующего народа;

3) по линии «социального Движения», боровшегося против поглощения Церкви имущими классами и стремившегося приблизить Церковь к дехристианизированным рабочим массам;

4) и, наконец, по линии неофициального участия католиков в работе экуменического Движения, в сближении католиков с «отделенными братьями», в поисках путей восстановления единства христианского мира.

Все эти движения имеют свою историю и литературу, и было чрезвычайно интересно проанализировать их возникновение и их эволюцию и отметить те трудности, пресечения и скорпионы, которые они встретили на своем пути (последние, главным образом, в буллах и энцикликах, осуждавших и тормозивших большинство этих начинаний). Но бывали и просветы, вроде буллы «Divino afflante Spiritu» (посвященной библейской работе), которую один католический епископ охарактеризовал как «струю чистого воздуха, как озон, подувший после грозы». Вообще же, знакомясь со всем этим материалом, можно только удивляться энтузиазму, жертвенности и работоспособности католических уче-

ных, продолжавших свое служение Церкви под постоянно висевшим над ними мечом Sanctum Officium...

Все эти исторические справки объясняют структуру работы собора. Провозглашенный папой принцип Aggiornamento (термин непереводаемый, означающий «приведение к состоянию соответствующему нашему дню») явился официальным зовом к той работе, которая когда-то была начата «модернистами» (на эту связь указал протестантский наблюдатель проф. О. Кульмани).

Обсуждение литургических проблем, выдвинувшее необходимость понятного языка, сослужения, причастия под обоими видами и т. п. явилось естественным развитием тем литургического Движения. Вопрос об источниках вероучения, о св. Писании и Предании — продолжил проблематику библейского Движения.

«Богословие бедности», которое, хотя и не получило пока развития в работах собора, но актуальность которого была осознана и поставлена перед христианской совестью в качестве одной из самых неотложных задач, своеобразно преломило в себе (пока только в качестве вопроса и беспокойства) мысли таких мыслителей и деятелей как Л. Блуа, Ш. Пеги, Э. Мунье и всех с ними связанных (как священников-рабочих и других работников социального христианства). Наконец, экуменическая проблема получила свое яркое выражение в учреждении и работе Секретариата по вопросам единства, в возведении этого Секретариата в ранг Комиссии, в приглашении на собор наблюдателей не-католического мира и в живом общении с ними членов собора.

Мы подошли таким образом к самым работам собора и, чтобы дать о них живое впечатление, а не схематическое оглавление, мы приведем полностью письмо о соборе о. Maurice Villain⁴⁾, с которым он обратился к своим друзьям и сотрудникам по экуменической работе. Вот текст этого письма:

«Дорогие братья и сестры,

В эти дни нашей молитвой должна быть благодарность Господу, ибо Его Дух пронесся, как буря, над собором и над миром; он проложил (прорезал) себе путь посреди страшных подводных скал; он разрядил драматическую напряженность; он засеял католическую Церковь евангельскими семенами, которые принесут ей новую молодость и вящее сияние и помогут ей начать столь жданный диалог со всеми братьями христианами.

⁴⁾ о. М. Villain, сотрудник и продолжатель подвига аббата Р. Couturier, человек широкого сердца и экуменических горизонтов, автора замечательной книги *Introduction à l'Écumenisme, chez Castermann*, 1958.

Эта первая сессия собора кажется нам событием чрезвычайной важности — дерзнем сказать — подлинным чудом. Почему?

Потому что этот собор, неожиданные решения которого вызвали в некоторых кругах подлинное оштолбенение и подготовка коего встретила со столькими неприятностями, все же мог начаться в назначенный срок 11 октября — в песнопениях и хвалебных.

Потому что Св. Отец, открывая собор, с чеканной ясностью определил его задачи и направил его работу на пути пастырства, исполненного любви, милосердия и евангельской бедности. Потому что собор, — вопреки бурям и ветрам, благодаря упорству кардинала Беа, неизменно держался своей отдаленной цели — единства христиан; и потому что на соборе присутствовало, в качестве наблюдателей, такое значительное количество братьев христиан, откликнувшихся на приглашение кардинала Беа, посланное различным Церквам и объединениям.

Потому что этим наблюдателям были предоставлены все возможности (ибо перед ними были широко открыты все двери), и потому что они сами проявили такой глубокий интерес, были столь внимательны, деликатны, скромны и вдохновенны в своих беседах с католическими богословами во время своих встреч и совещаниях в разных епископских группах. Потому что, вопреки огромной трудности, связанной с присутствием 2.500 членов (не считая экспертов), вся эта масса людей в трехнедельный срок превратилась в «дифференцированное тело», имеющее своих возглавителей и руководителей; и что все они пользовались неизменной и полной свободой выражать свои мнения — платя за это только значительной потерей времени.

Потому что, вследствие неожиданных обстоятельств, собор принял направление в сторону Церкви бедняков — понимая последнюю в свете евангельской бедноты. Эта проблема не стояла в программе занятий собора, но получила в них первостепенное значение. Это отклонение может привести к самым неотложным и самым драматическим проблемам нашего времени.

Потому что это собрание, путем живого опыта, открыло начало солидарности и соборности епископата и радостно осознало свою ответственность перед Церковью; сильное сознанием своих прав, оно сумело оказать противодействие **курии** вплоть до требования радикальной ее реформы.

Потому что в области богослужения были подняты и подвергнуты обсуждению вопросы, имеющие жизненное значение для цер-

ковного народа, в результате чего предположительно и не формально были преодолены препятствия, казавшиеся раньше непреодолимыми (проблема живого народного языка, сослужения, причастия под двумя видами).

Потому что жгучая проблема епископских советов каждой нации настолько явно лежала в основе всех требований и пожеланий собора, что в будущем ее уже нельзя будет избежать, тем более, что, фактически, она уже оказалась решенной тем обстоятельством, что подобные советы смело собирались и работали во время собора и тем доказали свою необходимость (это может рассматриваться, как прелюдия необходимой децентрализации).

Потому что этот порыв живой Церкви оказался в состоянии мужественно преодолеть весьма посредственную подготовку собора, которую, по сравнению с предшествующими соборами, можно считать ретроградной (монсеньер Смендт охарактеризовал схему о доктрине следующими словами: она означает шаг не вперед, а назад, ибо она не только не способствует (экуменическому диалогу), но является прямым к нему препятствием).

Тот же епископ обосновал схему о Церкви в «триумфализме», в «клерикализме» и в «юридизме», и потребовал, чтобы вместо этого в схеме было выявлено «материнство» Церкви.

И в результате всего этого было принято решение, получившее утверждение Папы: подвергнуть эти схемы полной переработке и представить новые схемы следующей соборной сессии в сентябре 1963 г., с тем, чтобы эти схемы были упрощены и сведены к проблемам, интересующим вселенскую Церковь — в духе пастырства и экуменизма...

... Таковым является, по нашему мнению, чудо Св. Духа. Но Дух обязывает нас к аскезе скрытой веры. Это огромное событие реформы католической Церкви, которое мы считаем неотменимым, все же, в значительной мере, связано с здоровьем св. Отца, которое внушает большие опасения. Если все мы — католики и не-католики — на разных основаниях, но искренно и глубоко видим в Иоанне XXIII Божьего посланника и большого пророка, то мы должны считать долгом возносить ежедневную молитву о нем ко Господу.

Дорогие братья и сестры, да будет по сему».

Читая эти патетические слова, испытываешь странное чувство: автор заражает нас своею радостью, увлекает своей надеждой; вместе с ним, вместе с другими западными братьями мы празднуем обновление католической Церкви и устремляем наш взор в бесконечные перспективы, которые перед нами открываются. Но

затем — мы не можем не поставить вопроса: что же **решено**, что **изменилось** — не в духе и настроении, не в «климате», а в тех догматических и канонических нормах, которым подчиняется католическая Церковь и которые нас с нею разделяют. И вот здесь мы оказываемся перед величайшим парадоксом: никаких решений собор не принял (пока); относительно догматов было многократно заявлено, что все они должны остаться в полной неприкосновенности... Формально как будто ничего не произошло, и все же все, кто был на соборе, в один голос говорят о нем, как о самом значительном событии нашего века. Как понять этот парадокс, как разрешить это противоречие? Для меня оно разрешается формулой, которая служит заглавием одной замечательной книги: «L'Institution et l'Événement» (Учреждение и Событие)⁵⁾. Да, мы обычно воспринимаем Церковь как божественное установление, как учреждение, как институт. Основной же чертой всякого учреждения является определенность его функций, упорядоченность его жизни; повторяемость и предопределенность — в этом суть всякого учреждения. Но жизнь не ограничивается воспроизведением прошлого (как бы значительно оно ни было). И категории повторяемости противостоят однократность, единственность. И тогда мы говорим о событии. «Объяснять событие, растворять его в причинах и следствиях, логически связывать его с другим событием — это означает лишать его того, что составляет его суть. Но люди стремятся устроить свою жизнь так, чтобы события не играли в ней никакой роли; они превращают свою судьбу в общество страхования от случая, от авантюры и идеалом их оказывается жизнь, в которой ничего не происходит, в которой время — пусто, в которой все предусмотрено, всякая неожиданность устранена, в которой нет ни прошлого, ни будущего — вообще ничего⁶⁾...

Величайшей радостью является для нас то, что самым значительным событием нашей жизни является Церковь. Что она не только учреждение (пусть божественное), но что в ней мы встретимся с тем, что неожиданно, внезапно, единственно. Самое бытие Церкви начинается с «события» — единственного и неповторимого: «когда они были единодушно вместе, **внезапно** сделался шум, с неба, как бы от несущегося сильного ветра»... (Д. А. 2, 2). Мы

⁵⁾ J. L. Leuba. *L'Institution et l'Événement*. Les deux modes de l'œuvre de Dieu selon le N. T. Leur différence, leur unité. Ed. Delachaux et Niestle. Neuchâtel 1950.

⁶⁾ Jean Onimus. *Péguy et le Mystère de l'histoire*. Ed. Cahiers de l'Amitié Ch. Péguy. Paris 1958, p. 78 et 81.

говорим о Церкви, как о продолжающейся Пятидесятнице, и поскольку она продолжается и осуществляется в повторяемых таинствах — она есть божественное учреждение. Но этим не отменяется единственность события, имевшего место в Иерусалиме «при наступлении дня Пятидесятницы», так же как повторное участие в таинствах не отменяет единственности и неповторимости каждой нашей «встречи с Богом». Мы можем заранее знать ее формы — все же, когда она наступает, она оказывается новой и неожиданной! В этом и заключается великая тайна времени, жизни, творчества: то именно, что каждое **событие** воспринимается нами, как абсолютно новое — независимо от его содержания, которое нам может быть известно заранее во всех деталях. Так ведь будет и на страшном Суде, когда и праведники и грешники обратятся к Судии с тем вопросом, ответ на который им должен быть давно известен. Поэтому и в Пастыре Ермы Церковь является ему старицей с седыми волосами (символ опыта, повторений), но с лицом девушки, для которой все — ново. И Иоанн Златоуст говорит, что Церковь вечно «юнеется»...

В противопоставлении понятий учреждения и события (которые не противоречат, но дополняют одно другое) мы находим ключ к волнующему нас вопросу. Собор мыслился как церковное установление: все условия его созыва, его работы, его решений и т. п. предусмотрены, предустановлены соответствующим параграфом канонического права. Конкретное их применение, программа его работ были разработаны соответствующими комиссиями курии. И, соответственно этому, о времени открытия собора в Риме, царило тревожное настроение: казалось, что собора вообще не будет, что все заранее решено, что всемогущество курии само собою разумеется, что ее власть непреодолима... Казалось, что она просто будет управлять собором⁷⁾, что собору предоставлена только возможность принимать и одобрять те проекты, которые предварительно были приготовлены курией... Но здесь-то и имело место неожиданное, непредвиденное **событие**: члены собора отказались принять ряд проектов курии и, с этого момента собранный епископат почувствовал себя хозяином своего дела, вследствие чего на соборе создавалась подлинно соборная атмосфера — в полном смысле этого слова. Стало ясно, что попытка курии овладеть и управлять собором не удалась⁸⁾.

Для того, чтобы понять значение этого события, достаточно

⁷⁾ Dom O. Rousseau. *Le deuxième Concile du Vatican*. Irénikon, 1962, N° IV, pp. 472.

⁸⁾ Ibid.

вспомнить, что в многовековой истории борьбы епископальной и курИАльной системы самостоятельный голос собора прозвучал в последний раз в 1418-1449 годах! (на Констанцком и на Базельском соборах), что с тех пор «послушание епископов» было устроено⁹⁾ и все отдельные попытки сказать свое слово категорически пресекались, что на первом Ватиканском соборе господствовал режим такого террора, что оппозиция была приведена к полному молчанию и даже покинула собор, приняв однако предварительно все, что ей предложили принять. Победа курии была не только фактом, но превратилась в строго разработанную норму с изданием в 1917 г. кодекса канонического права. Казалось, что история кончилась и вместо нее настала эпоха исполнения параграфов кодекса, которые все предвидели и все предусмотрели. Церкви, церковной иерархии, церковному народу оставалось слушаться и ждать Второго Пришествия. И вдруг — этот взрыв! Но это был взрыв, а не бунт. И возможен он был потому, что еще задолго до собора папа определенно заявил, что собор и курия — это две (несравнимые) величины, что задачи курии состоят в общем управлении (которое не прекращается и во время собора); задача же собора совсем иная¹⁰⁾.

Парадоксальность положения заключалась в том, что курия, которая теоретически является органом папы, а практически часто старается заменить его, действуя от его имени¹¹⁾, в данном случае оказалась, если можно так выразиться, дезавуированной самим папой. Но она не придала этому предостерегающему голосу достаточного значения и «отсюда проистекли все трудности, имевшие место во время первой сессии»¹²⁾.

Впрочем, замечает тот же автор, «несмотря на остроту положения, дебаты никогда не переходили границ приличия...»

Если первая сессия собора была «событием», в свете которого потускнело «учреждение», то теперь — по окончании ее и во время подготовки второй сессии — перед католической Церковью стоит противоположная проблема: то, что было дано и явлено в единственном и однократном переживании, в своего рода видении, должно быть оформлено, закреплено, формулировано и

9) Доказательством чего является история «Эмской пунктуации» 1786 г. Немецкие архиепископы, поднявшие свой голос в пользу епископализма, не были поддержаны собственными епископами!

10) Речь в день Пятидесятницы 1960 г.

11) D. Rousseau, op. cit. p. 470.

12) На это жаловался папа Пий X, говоря, что он чувствует себя пленником, перед которым закрыты все двери и замурованы все выходы.

сделано неотъемлемой собственностью Церкви: событие должно родить учреждение. Перед этой труднейшей задачей стоят сейчас отцы собора и их многочисленные комиссии; ей посвящены все богословские и пастырские силы церкви и вокруг этой проблематики идет, вероятно, жестокая борьба. Ибо то *Aggiornamento*, о котором говорит Папа и которое вызывает такой энтузиазм у прогрессивно-мыслящих католиков, воспринимается противоположной партией — интегрисов — как разрушение Церкви. И от Папы требуется сверхчеловеческая мудрость и человеческая дипломатичность, чтобы сохранить свое положение арбитра; до сих пор его роль «высшей и последней инстанции» была им осуществлена с удивительным тактом; и можно только присоединиться к последним словам о. Villain, который, видя в Иоанне XXIII посланника Божия и великого пророка, призывает весь христианский мир к молитве о том, чтобы Господь дал ему сил и здоровья продолжить и закончить то дело, которое он начал к славе Божией и возвеличению католической Церкви.

Свящ. Георгий СЕРИКОВ

Над Библией

Вопрос о «Семидесяти Апостолах»

В Евангелии от Луки (X, 1-24), и только у него, мы читаем об избрании Христом Семидесяти Апостолов и их посланничестве на проповедь: 1 «После этого поставил Господь и других семьдесят и послал их по два пред лицом Своим, в каждый город и место, куда предстояло Ему Самому идти, 2 и говорил им: жатвы много, а работников мало; поэтому молитесь Господина жатвы, чтобы выслал работников на жатву Свою. 3 Идите! Вот, посылаю вас, как ягнят посреди волков. 4 Не носите с собой ни мешка, ни сумы, ни обуви, и никого в пути не приветствуйте. 5 И в какой бы вы дом ни вошли, прежде всего говорите: «Мир дому сему». 6 И если будет там сын мира, то низойдет на него мир ваш; если же нет, то на вас возвратится. 7 И в этом доме оставайтесь, ешьте и пейте, что у них есть: ибо достоин работник награды своей. Не переходите из дома в дом. 8 И в какой бы вы город ни входили, — если примут вас, ешьте предлагаемое вам, 9 и исцеляйте находящихся в нем больных и говорите им: «Близ-

ко к вам Царство Божие». 10 И в какой бы вы город ни вошли, — если не примут вас, то, выйдя на улицы его, скажите: 11 «и пыль, прилипшую к нашим ногам от города вашего, мы оттрясаем вам. Знайте однако то, что близко Царство Божие». 12 Говорю вам, что Содому в день тот будет легче, чем городу тому. 13 Горе тебе, Хоразин! Горе тебе, Вифсаида! Ибо, если бы в Тире и Сидоне были совершены чудеса, совершившиеся в вас, то давно бы они, сидя в рубище и пепле, покаялись. 14 Но Тиру и Сидону легче будет на суде, чем вам. 15 И ты, Капернаум, до неба ли ты будешь вознесен? До ада ты будешь низвергнут. 16 Слушающий вас Меня слушает, и отвергающий вас Меня отвергает, а Меня отвергающий, отвергает Пославшего Меня.

17 Возвратились же семьдесят с радостью и говорили: Господи, и бесы покоряются нам во имя Твое. 18 Он же сказал им: Я видел сатану как молнию с неба упавшего. 19 Вот, Я дал вам власть наступать на змей и скорпионов и над всею силою врага; и ничто не повредит вам. 20 Но тому не радуйтесь, что духи вам покоряются, а радуйтесь, что имена ваши вписаны на небесах¹⁾.

В связи с этим текстом третьего евангелиста встает несколько вопросов:

I) — О числе «Семидесяти».

II) — Главный вопрос: о том, кто были эти 70 Апостолов Христовых, их соотношение с «Двенадцатью» Апостолами и, вообще, их положение в Церкви.

III) — Имена этих Апостолов.

I.

Евангельский текст Лк. X имеет разночтения. В некоторых источниках мы читаем об избрании семидесяти апостолов, а в некоторых указано 72²⁾ и количество источников с той и другой цифрой приблизительно одинаково, так что трудно решить какое число нам предпочесть. Обычное наименование этой группы апостолов в календарях и богослужебных книгах «Семьдесят» Апостолов, но Эпифаний Кипрский, Иоанн Дамаскин³⁾, Димитрий Ро-

1) Цитируем по новому переводу Евангелия, сделанному трудами профессоров Правосл. Богословск. Академии в Париже. — Издание Британск. и Иностранного Библийского Общества. Лондон, 1958.

2) См. об этом подробно у Лягранжа: «Толкование на Евангелие от Луки» (Габальда, 1941, стр. 292) и в серии «Verbum Salutis» St Luc. (Бошэн. Париж, 1941, стр. 201).

3) См. октоих 5-го гласа в среду на вечерне на «Господи Воззвах», где говорится о Соборе «Семидесяти и двух» апостолах.

стовский (в Четых Минеях) насчитывает 72. И на Западе большинство современных издателей указывают на 72 апостола.

Избраны Христом 70 или 72 апостола вероятно потому, что эти числа имеют символическое значение универсальности: согласно Библии, количество народов, населяющих землю, т. е. потомков Ноя (см. Быт. X гл.), было 70 или 72. В еврейской Библии, с которой делался наш русский перевод, стоит 70, а в переводе Семидесяти («Септуагинте»), с которой переведена и наша славянская Библия, на два больше. Этим, может быть, и объясняется разночтение в источниках.

Курьезно заметить, что недоумение о числе 70 или 72 идет не только в вопросе о количестве апостолов Христовых (Лк. X), но так же и о самой «Септуагинте», ибо число «70 толковников» тоже ведь не точное: согласно преданию Церкви⁴⁾ перевод еврейской Библии на греческий язык был сделан в Александрии при царе Птолемеи II Филадельфе в III веке до Р. Х., в 72 дня, семидесятью двумя старцами, присланными из Палестины, — «шестью старцами от каждого из 12 колен Израилевых».

В пользу предпочтения числа 70 указывают на то, что Моисей избрал себе в помощники 70 старцев (Числ. XI, 16, 24-25), что во время путешествия Израиля по пустыне был найден оазис с 12 источниками воды и 70 финиковыми пальмами — прообраз 12 и 70 апостолов (Исх. XV, 27), что в синедрионе было по преданию 70 членов.

II.

Вопрос о количестве избранных Христом учеников в Лк. X есть вопрос второстепенный. Более важный вопрос существования вообще особого «института» (Collège apostolique) или «Лика Семидесяти Апостолов» (или 72). Сличая текст Луки (X) с теми текстами, в которых идет речь об избрании Двенадцати апостолов (Лк. IX, 1-6; Мт. IX, 35-38, X, 1, 5-16; Мр. IV, 6-13), мы видим, что наставления Господа в двух случаях мало чем отличаются друг от друга, они почти во всем идентичны⁵⁾.

Эта схожесть дает повод либеральной критике утверждать, что Лк. X есть «дублет» (дубликат) избрания 12 апостолов, что

4) См. у Филона, Иосифа Флавия, св. Иринея Лионского, Климента Александрийского и мн. других.

5) Главное отличие: «Семидесяти» не дано власти воскрешать мертвых, и нет запрещения, как в обращении к «Двенадцати», идти к язычникам, и проповедывать «наипаче погибшим овцам дома Израилева» (в редакции Матфея X, 5-6).

особой, отдельной от 12 группы в 70 или 72 апостола и не было, а что 12 были избраны Христом из общего неопределенного числа Его последователей (в частности из 70-ти), о которых говорится в Евангелии помимо определенного института «Двенадцати»⁶⁾.

Однако нужно возразить, что из общности наставлений двум группам учеников совсем не обязательно должно заключить, что одной из групп не было. Ведь общность наставлений может быть объяснима одинаковостью цели избрания — а те и другие ученики были избраны Христом для того же самого миссионерского дела проповеди Евангелия.

Нельзя отвергать «Института Семидесяти» и на том основании, что он де есть позднейшая вставка универсалистической тенденции в Церкви (в духе универсализма самого евангелиста Луки), а символ этой универсальности есть число 70 (или 72). Отвергающим «Лик Семидесяти» по причине его символистической символики, нужно сказать, во-первых, что универсализм Евангелия вовсе не является позднейшим изобретением Луки и церковной традиции, но что основателем христианского универсализма был Сам Христос: «Идите, научите **все народы**, крестя людей...» — это слова Самого Господа, переданные евангелистами Матфеем (Мт. XXVIII, 19) и Марком (Мр. XVI, 15), а не только Лукой (!) и во-вторых, что «символичность» какого-нибудь факта, вовсе не свидетельствует о его нереальности. Если бы это было так, то нужно было бы отвергнуть и институт Двенадцати по той причине, что 12 есть символ «Израиля» (12 колен Израилевых), нужно было бы усомниться в том, что Христос воскрес на третий день по той причине, что Иона был три дня «во чреве китове», а это есть прообраз воскресения (Мт. XII, 40), нужно было бы усомниться в проклятии Христом смоковницы на том лишь основании, что это проклятие имело символический смысл (Мт. XXI, 19-22) и т. д...

Кроме того, в начале своего повествования (Лк. X, 1), евангелист говорит: «После того поставил Господь и ДРУГИХ Семьдесят» (или 72).

Не ясно ли, что этим словом «других» евангелист различает два избрания, два «Лица» апостольских?!

⁶⁾ Отзвук такого мнения мы наблюдаем и в светской литературе. Так, например, в Энциклопедическом Словаре Лярусса мы читаем: «Le Christ choisit, parmi les 72 disciples qui le suivaient, douze hommes qui furent chargés d'assurer, par eux et par leurs successeurs, l'extension et la perpétuité de son œuvre».

На это либеральная критика отвечает, что у Христа было много «других» учеников и последователей и что, следовательно, «другие» не обязательно означает и имеет в виду «Лик Двенадцати». Так в кн. Деяний говорится о 120 учениках, принимавших повидимому участие в избрании двенадцатого апостола на место отпавшего Иуды (Деян. I, 15-16). Из Послания к Коринфянам (I Кор. XV, 6) мы узнаем, что по воскресении Христос являлся «более нежели пяти стам братий» в одно время, из которых большая часть была жива еще в пятидесятых годах, а часть умерла. И вообще в писаниях апостолов говорится о неопределенном количестве отдельных учеников⁷⁾. В Евангелии от Луки (IX, 52) говорится, например, о каких-то учениках «вестниках», которых Христос в Самарии⁸⁾ послал для приготовления Ему места, так что Семьдесят Учеников, об избрании и посланничестве которых говорится в следующей главе (X, 1-24), можно отнести к этой общей, неопределенной группе «других» учеников Христовых. Слово «других» (Лк. X, 1), по мнению либеральной критики, вовсе не означает другого, специального «института» апостолов («Апостольского Лица») противопоставляемого «Двенадцати».

Однако, рассматривая внимательно Лк. X, 1-24, мы видим, что эти «Семьдесят» учеников были наделены такими дарами, полномочиями и силой (аналогичными тем, какие получили Двенадцать), что становится ясно их **исключительное** положение и значение, выделяющее их из общей массы последователей Христовых.

«Жатвы много, а работников мало» — объясняет Господь причину избрания Семидесяти (Лк. X, 2). Приточная образность сравнения с «жатвой» объектов христианизации не позволяет, конечно, понять «работников» слишком реалистично, т. е. вооруженных серпами и косами, но все же не будет погрешностью заключить о некоторой власти «делателей» (апостолов), о их правах, их инициативе, их специальной и организованной деятельности. Посланничество и «власть» апостольская, конечно, не может

⁷⁾ В I Кор. XV, 6 мы читаем «Потом явился Иакову (т. е. одному из «братьев» Господних) так же и «всем апостолам». Тут, конечно, под словом апостолы имеются в виду не только 12 и 70, но большой круг всех учеников Христовых. В Евангелии от Матфея воскресший Христос говорит женщинам, приходившим на гроб: «Пойдите, возвестите «братьям» Моим, чтобы шли в Галилею... Об «апостолах, которым являлся Христос после воскресения и которым велел не отлучаться из Иерусалима...» говорится в начале кн. Деяний (I, 2, 3, 4...).

⁸⁾ «И было, когда подходили к концу дни перед Его вознесением, Он решил идти в Иерусалим, и послал «вестников» пред лицом Своим» («ангелус» — messagers).

быть сравниваема с властью царствующей в «мире сем», со властью «кесаря» (Мт. XX, 25-28), ибо власть Христова, Его «права» иные... Своих работников Он сравнивает с ягнятами, попавшими в волчье стадо (3), но все же «власть» апостольская, хотя и иная в существе своем чем власть кесаря, есть все же «власть».

И «вооруженность» работников тоже иного порядка, чем вооруженность армейская, государственная: Господь, в смысле «обмундировки» и снаряжения, говорит своим ученикам совсем обратное тому, что говорят при экипировке солдат. Он говорит: «Не берите ни мешка, ни сумы, ни обуви...» (4) Вооруженность воинов Христовых, их душевная настроенность, в отличие идущих на войну солдат, есть «миролюбие» и братские чувства⁹⁾ (5-8). Но в этой настроенности, в этих чувствах христианских есть не слабость, а сила. Чувства мира и любви чужды «миру сему». Про Своих последователей Христос говорил: «Они не от мира, как и Я не от мира» (Ио. XVII, 16). Но этой «надмирностью» Христовой и Его последователей как раз и спасается мир во зле лежащий. Оружие Христово, Его Любовь и Крест, есть страшное оружие для князя мира сего. Духовная, моральная вооруженность апостолов (4), с точки зрения мирской, есть может-быть «безоружность» и слабость. Но «сила Божия в немощи совершается!» (II Кор. XII, 9) и Бог избрал немощное мира сего, чтобы посрамить сильное (I Кор. I, 27). Однако, не советуя Своим апостолам заботиться о внешней силе («не берите ни мешка, ни сумы, ни обуви...») Христос наделяет их силой чудесной, «сверхъестественной» силой проповеди Царства Божьего (11), — силой покорения людских сердец и людского внимания к словам Евангельским (16), силой творить чудеса (13), исцелять больных (9) и изгонять бесов (17), силой обезврежения змеиного яда и жала скорпионов (19).

Уже эта сверхъестественная, исключительная одаренность достаточно выделяет 70 апостолов из общего числа христиан. Но есть еще в повествовании Луки слова более знаменательные, подчеркивающие особенность этих избранников: слово их проповеди приравнивается проповеди самого Христа. («Слушающий вас Меня слушает, и отвергающий вас Меня отвергает, а Меня отвергающий отвергает пославшего Меня» (16). И наказание за отвержение проповеди 70 апостолов совершенно исключительное — такое же сильное как и наказание за отвержение проповеди Самого Господа (Мт. XI, 20-24). Наказание за неприятие апостолов будет страшнее чем то, которым были наказаны жители Содомы (Быт.

⁹⁾ «Войдя в дом, говорите... «мир дому сему!» (5).

XIX, 24), — а за нечестие Содомское Господь «пролил на Содом и Гоморру дождь из серы и огонь с неба». Эти страшные, исключительные угрозы наказания за отвержение Семидесяти Апостолов не говорят ли об их исключительном значении для нас?! Они — свидетели и очевидцы тех откровений, о которых мечтали многие цари и пророки (24). Их имена написаны на небесах (20), написаны не в той ли книге «вечного Евангелия», о котором говорится в Апокалипсисе (XIV, 6)?

И Православная Церковь, этот «Лик Семидесяти Апостолов», вместе с «Ликом Двенадцати» всегда выделяла из общей массы христиан, последователей и «братий», о которых нам сохранили рассказы новозаветные писатели, всегда считала этот «институт Семидесяти» установленным Самим Христом и имеющим не временный или случайный, а существенный (так-сказать онтологический) характер и силу богоустановленной иерархичности в Церкви: 4-го января установлен особый день памяти, праздник «Собора Семидесяти Апостолов», отличный от праздника 30-го июня — «Собора Двенадцати Апостолов».

III.

В то время как имена двенадцати апостолов известны (Мт. X, 2-4; Мр. III, 16-19; Лк. VI, 13-16; Деян. I, 13), об именах семидесяти апостолов свящ. Писание нам ничего не говорит: мы знаем о них лишь то, что написано в Евангелии от Луки. Из Евангелий нам не ясно соотношение «Семидесяти» и «Двенадцати». Не ясно в какой мере слова Христа к Двенадцати апостолам на Тайной Вечери: «И сядете вы на престолах и будете судить двенадцать колен Израилевых», в какой мере эти слова могут быть распространены и на Семьдесят? Об этом распространении можно было бы подумать тем паче, что в контексте Евангелия от Матфея (XX, 28-30) эти слова могут быть действительно понятыми распространенными и не только лишь на «Семьдесят», но даже и вообще на всех «последовавших за Христом» (28) и оставивших ради имени Его «домы, братьев и сестер...» (29).

Весьма возможно, что один из семидесяти апостолов был Матфий, который, согласно Слову Божию, «находился (с другими апостолами) во все время, когда пребывал и общался с ними Господь Иисус, начиная от крещения Иоаннова до того дня, в который Он вознесся, ...и был (Матфий) вместе (с другими апостолами) свидетелем Его воскресения» (Деян. I, 21, 23).

Весьма вероятно, что слова Христа сказанные Им на горе Елеонской (Мр. XIII, 3) наедине четырьмя апостолами (Петру, Иакову, Иоанну и Андрею) относились не только к ним, но и ко всем Двенадцати, а также и к Семидесяти (5-37); как к Семидесяти вместе с Двенадцатью, конечно, можно отнести в **первую очередь** все Евангельские поучения Господа, имеющие в виду вообще всех христиан.

Весьма вероятно, что в число тех «ПРОЧИХ» (Лк. XXIV, 9), которым жены мироносицы возвестили о воскресении Христа и о слышанном от двух ангелов, входили в Семьдесят Апостолов и что они входят также в число «пятисот братьев», которым являлся Христос по своем воскресении (I Кор. XV, 6) и в число тех апостолов, которым Христос при вознесении дал повеление Святым Духом не отлучаться от Иерусалима и ждать обещанного сошествия Святого Духа (Деян. I, 2-8).

Также вероятно, что все Семьдесят входят в число собравшихся ста двадцати человек, принимавших участие в избрании двенадцатого апостола вместо отпавшего Иуды (Деян. 14-26) и что, может-быть, один из них (Матфий) и был избран в число Двенадцати.

Вполне вероятно также, что в избрании дьяконов (Деян. VI, 5) принимали участие «Семьдесят» и что они также были и на Иерусалимском Соборе 51 г.

Возможно, что одним из «Семидесяти» был Эмаусский ученик¹⁰⁾, о котором говорит Лука в XXIV главе (но только лишь в том случае, если он не был, как предполагают некоторые, ни младшим братом Иосифа Обручника и вообще ни одним из родственников Христа).

Кроме Матфия, и другой кандидат в «Лик Двенадцати Апостолов» Иуст (или Иосия или Иосиф, Деян. I, 23) также мог бы быть раньше в числе «Семидесяти» (хотя этот переход из одного «Лика» в другой, так сказать «повышение» после смерти Христа, кажется странным! И совсем это было бы невозможным, если этот Иосия был то же лицо, что и¹¹⁾ один из «братьев Господних»!).

Может быть одним из «Семидесяти» был апостол Анания, крестивший Павла в Дамаске (Деян. IX, 19), а также и другие апостолы в это время там жившие.

Однако, все это суть хотя вполне вероятные и правдоподобные предположения, но только лишь предположения. Слово Божие хранит тайну «Семидесяти»! Место Семидесяти в Церкви, в

смысле иерархическом, не менее таинственно, чем место ап. Павла в отношении к Двенадцати. Священное Писание молчит не только о делах и об участии этих 70 апостолов, но и их имена нам не открыты, хотя эти имена «НАПИСАНЫ НА НЕБЕСАХ» (Лк. X, 20).

Для восполнения этого пробела благочестивое предание сочло возможным его восполнить и удовлетворить наше любопытство фиктивным наименованием каждого из Семидесяти (или 72) Апостолов. К сожалению, для этого епископу Тирскому Дорофею (жившему при царях Ликийни, Константине и Юлиане в IV веке) пришла странная мысль причислить к «Лику Семидесяти Апостолов» всех лиц, упоминаемых в книге Деяний, и в Посланиях Апостольских. (Он, конечно, оставил имена женские!). А так как семидесяти имен не оказалось, то некоторые имена он упомянул по два раза (а евангелиста Марка даже трижды!). Говорим «к сожалению», потому что если из названных епископом Дорофеем лиц некоторые и могли быть, в действительности, из числа Семидесяти (как мы на это предположительно указывали), то большинство из этого списка к «Лику Семидесяти» принадлежать не могли, а такое положение вещей, выдающее фикцию за реальность, роняет в глазах простых, неосведомленных людей, общую ценность православных преданий и является соблазном для «малых сих»!

Православная Церковь, в отличие от Протестантизма, признает ценность не только свящ. Писания, но и ценность Предания, однако лишь такого Предания, **которое не противоречит священному Писанию.**

Дорофеевский Список «Семидесяти Апостолов» существует в разных вариантах не только с именами поставленными в ином порядке, но и с именами измененными и добавленными (см. эти списки в церковн. книге «Апостол», в Четвях Минеях свят. Димитрия Ростовского и в перепечатанном с него сборнике Житий Святых, — изд. Почаевского Братства, Мюнхен 1958, стр. 79-87, № 9, 4-е января, в календарях Московской Патриархии за 1949 и 1957 годы). Этот один факт подрывает наше доверие к историчности списков!

Должно сказать, что в числе 70 апостолов не мог быть ни один из тех называемых «братьев Господних» — ни Иаков, ни Симеон, ни Иосия, ни Иуда — ибо в то время, когда Христос избирал Своих учеников, «братья» Его были еще **неверующими** (Ио. VII, 5). И даже во время смерти Христа, как верно замечает Цан, братья Господни не были Ему близки по духу, иначе Он поручил бы заботиться о Своей Матери одному из них, а не Иоанну Зе-

¹⁰⁾ Клеопа.

¹¹⁾ Иосия.

ведееву! Братья Господни поверили в Него лишь после Его Воскресения. Не мог же Христос посылать на проповедь не верующих в Него людей!

В числе 70 апостолов не мог быть никто из семи дьяконов рукоположенных апостолами, о чем говорится в Деяниях (VI, 1-6), ибо нельзя из высшего чина «рукополагать» в чин низший, а всем ясно, что «апостол» есть в христианстве самый высший «чин». Такое «рукоположение» было бы «деградацией» и развенчанием. Служение дьяконское состояло в «попечении о столах», т. е. заключалось в хозяйственных заботах, а служение апостольское состояло в проповедании Слова Божия (Деян. VI, 2-4). Так неужели же семерых апостолов, которых Сам Господь посылал на проповедь Слова (Лк. X), после Его воскресения другие апостолы дерзнули бы заставить заниматься дьяконскими делами?!

Кроме того, вопрос ведь идет о семидесяти лицах, избранных **Самим Господом**. Так что из обращенных в христианство, крещенных или «поставленных» (то ли в дьяконы, то ли во епископы) кем-либо из апостолов, никто не мог быть по этому самому одним «из Семидесяти», о которых говорится в Евангелии от Луки (X). Поэтому не мог быть «одним из Семидесяти» евангелист Марк — духовный сын ап. Петра¹²⁾. А если Марк был тот самый «юноша» («Неанискос» — подросток, «adolescent», который нагим убежал от воинов в Гефсиманском саду (Мр. XIV, 51-52) — как об этом говорит предание — то он не мог быть апостолом Христовым еще и по своему возрасту).

Не могли быть, по той же причине, «Одними из Семидесяти» и ученики ап. Павла Тимофей, Тит¹³⁾, Сила, Силуан, Андроник, Тихик, Дионисий Ареопагит и др..., потому что они были учениками ап. Павла, а не Самого Христа и потому что Павел «поставил их епископами». Сам он, будучи «меньшим из апостолов» (I Кор. XV, 9) не знавшим Христа при жизни, не мог рукополагать старших себя! («меньший благословляется большим» — Евр. VII, 7).

Ни в коем случае, «одним из Семидесяти» не мог быть Александрийский «иоаннит» Аполлос, познакомившийся с христианством — согласно кодексу «D» — через одного из учеников Иоанна Кре-

¹²⁾ О евангелисте Марке имеется свидетельство Паппия, епископа Иерапольского во Фригии (ок. 125-130 г.): «Марк, бывший истолкователь Петра, записал, хотя и не в порядке, все, что вспомнил, о том, что учил и что делал Господь. Сам он не слышал Господа и не был Его учеником, но позднее он был учеником Петра (Евсевий: «Истор. Церкви» III т. 39, 14).

¹³⁾ Ап. Тит, кроме того, оставался необрезанным! (Гал. II, 3). Считателя и «знавший лишь крещение Иоанново». Он «был настав-

лен лишь в начатках пути Господня» (Деян. XVIII, 25), а полное объяснение путей Господних «получил от Акилы и жены его Прискиллы» (26). Совершенно невероятно, чтобы ученики ап. Павла (Акила и жена его Прискилла), через 25 лет после смерти Христа «наставляли» бы одного из Его Апостолов, имя которого «написано на небесах»!

Не мог быть «одним из Семидесяти» евангелист Лука. Он был (согласно Евсевию Кесарийскому) антиохийским прозелитом из язычников и это решительно не позволяло бы ему быть избранным в «Апостолы», которых Христос призывал, конечно, лишь из евреев. И по этой же причине не могли быть «одним из 70» ни Ефесянин Трофим (Деян. XXI, 29) и никто из обращенных в христианство греков.

Также невероятно, что одним из 70 апостолов был Сосфен, начальник Коринфской синагоги (Деян. XVIII, 12-17), который устраивал бунт против Павла и вместе с толпой иудеев жаловался на него проконсулу Галлиону, на то что Павел будто «не по закону учит людей чтить Бога»!

Невозможно также себе представить, что одним из 70 апостолов был раб Колосского жителя Филимона Онисим, обокравший своего хозяина, от него сбежавший в Рим и обращенный в христианство апостолом Павлом! (Филим.). Мало вероятно, что и Агав был «одним из Семидесяти Апостолов. Если бы это было так, то его и называли бы апостолом, а не «пророком» (Деян. XI, 27, XXI, 10).

Лиц, указанных в списке Дорофея Тирского, можно назвать «апостолами» в широком смысле слова, так как, например, ап. Павел называет своих родственников Андроника и Юнию «прославившихся между апостолами» (Рим. XVI, 7). Но нельзя смешивать этих «апостолов» с теми Семьюдесятью БОГОВИДЦАМИ, СВИДЕТЕЛЯМИ Господа, которым, как и «Двенадцати», было предано «через Сына от Отца то, чего никто не знает кроме Сына и кому лишь Сын хочет открыть» (Лк. X, 22), очи которых «блаженны», ибо они видели то, что хотели видеть и не видели никто из царей и никто из пророков (24).

Имена «Семидесяти» от нас сокрыты, но ИМЕНА ЭТИ НАПИСАНЫ НА НЕБЕСАХ» (Лк. X, 20). Тайнственные, неизвестные друзья Христовы, существеннейшие органы и органы Его мистического Тела — Церкви, ее столпы и соиздатели и путеводители ходатайствуют о нас.

Не зная их имен, мы молимся им, как предстоящим пред Престолом Божиим тайноведцам и «блаженным очевидцам» (Лк. X, 23) Его вочеловечения, а анонимность и безвестность их судьбы утешает нас в минуты нашей безвестности и сокрытости, нашего бесславия, непризнанности и неоцененности.

Думая о «Семидесяти», мы думаем об общей участи в мире сем «Рода избранного, царственного священства, народа святого, людей взятых в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего нас из тьмы в чудный Свой свет!» (I Петр. II, 9).

Б. И. СОВЕ

Последнее земное целование

«Приидите последнее целование дадим умершему, братие, благодаряще Бога». Верующие призываются Церковью явить погребаемому любовь в последний раз ее привычными земными выражениями — целованием. Оно увенчивает весь молитвенный дар любви усопшему: бдение у гроба (у нас остались в настоящее время лишь панихиды и чтение псалтири; чин же погребения, к сожалению, очень сокращен), участие в литургии, на которой присутствует погребаемый в последний раз телесно, причащаясь духовно (Николай Кавасила), и на которой возносится за него бескровная жертва. Обряд целования, восходящий к глубокой христианской древности, так осмысливается древним литургическим памятником «О церковной иерархии», приписываемым Св. Дионисию Ареопагиту, но, вероятно, написанным в начале V века: «Совершивший подвиг жизни богоугодной возлюблен и достоумен для всех богообразных мужей».

Не только «братие и друзи, сродницы и знаемые» целуют последним земным целованием своего «достоблаженного и приснопамятного» брата, но чином погребения вся Церковь лобызает «православием и покаянием притекшего ко Господу в вере», убажывая его, как победоносца, воздавая ему «священные венцы», прося «Бога духов и всякой плоти» даровать ему прощение грехов, вольных и невольных, упокоение, Царство небесное, бесконечную жизнь, сладость райскую, неизреченную славу, свет жизни, блаженство, вечную память. «Блажен путь, в оньже идиши днесь, душе, яко уготовася тебе место упокоения» (прокимен). Чин погребения для богоугодно поживших — не старчески-драхлое, хотя и сладостно-утешительное «ныне отпускаеши», а гимн радостного

осуществления Павлова желания разрешиться и быть со Христом вечно.

Погребение — тайнодействие. Подобно литургии верных, и отпевание в памятнике «О церковной иерархии» сопровождалось удалением некоторых неполноправных членов Церкви. «Оглашении изыдите...» Только верные могли присутствовать при включении имени усопшего в церковные диптихи, когда предстоятель «провозглашал имена прежде почивших святых, вместе с которыми удостоивал и новопреставлявшегося одинакового поминовения, и приглашал всех просить ему блаженного совершения во Христе».

В нашей современной практике на голову усопшего возлагается венчик с изображением Господа нашего Иисуса Христа, Пресвятой Богородицы — «Матери незаходимого Света», к Которой несутся последние молитвенные призывы умирающего (канон на исход души) и Предтечи. Венчик украшается Трисвятой песнью; ее же поют во время перенесения тела. Усопший, воспевая Трисвятое, приобщался миру ангельскому, и теперь в его погребении участвуют бесплотные силы. «Умершие — рабы Троицы, и проповедывали Ее, и в Ней скончались, и в Ней пребывают, и сопричислены ангелам, непрестанно поющим Трисвятую песнь» (Симеон Солунский). Венчик — символ венца жизни невечерней, вечной духовной юности...

Возложение венчика восполняет или заменяет древний обычай возлиания елея на усопшего. Автор памятника «О церковной иерархии» сравнивает это священнодействие с первым помазанием христианина освященным елеем при его крещении. Последнее и первое помазания... Белые крещальные ризы... белые погребальные пелены (саван)... Горящие свечи... Начало и конец жизни в земной Церкви... «Припомни, что при священном Богорождении (Крещении), пред божественнейшим погружением, преподается крещаемому первая доля причастия священного таинства — елей помазания, после всецелого совлечения прежней одежды. Так и теперь, в конце всего, возливается на усопшего елей. Тогда помазание воззывало крещаемого к священным подвигам, а теперь возливание елея указывает на то, что усопший потрудился в этих священных подвигах и достиг совершенства». Симеон Солунский так развивает мысли древнего памятника: «Елей служит знаменем подвигов и того, что усопший скончался после славных и благочестивых подвигов, и что он удостоится божественной милости и светлой радости Божественного Света».

Все последование православного погребения — торжественное

венчание усопшего¹⁾ за подвиг исповеднический, к которому призываются все члены Церкви в таинстве миропомазания. Недаром при погребении многократно вспоминаются и прославляются мученики... Церковь венчает «христолюбца» за его духовный подвиг в покаянии и смирении, за очищение и расширение любовью сердца, за принесение себя в жертву любви ради Христовой, за несение жизненного креста в пути узком и прискорбном, за участие в молитвенной жизни Церкви, за служение в Ней. Вера и подвиги христиан, исполнявших в жизни повеления закона Господня, ублажаются Св. Церковью пением над усопшим Непорочных — ветхозаветного гимна закону — псалма 118 — кафизмы 17²⁾ (в настоящее время, к сожалению, обычно поют лишь несколько стихов). Псалом дышит трогательной любовью к закону Божию и не находит слов для его прославления... «Блажени непорочнии в путь, ходящие в законе Господни». «Благ мне закон уст Твоих паче тысяч злата и серебра...» «Светильник ногама моима закон Твой и свет стезям моим...» «Возлюбих заповеди Твоя паче злата и топазия...» «Во век не забуду оправданий Твоих, яко в них оживил мя еси...».

Прославляя жизненный подвиг усопшего, стремившегося к христианскому идеалу, Церковь благодарит Бога за его милости и помощь почившему. Церковь помнит, что усопший оправдывается не своими делами. Он спасается милостью Божией... «Спасе, спаси мя...» «Возносится благодарение, что Бог притупил жало смерти, и что почивший мог таким образом, при Его помощи, сделать нечто доброе» (Георгий Пахимер). Над каждым усопшим Церковь произносит слова Златоустого страдальца: «Слава Богу за все», воспевая надгробную песнь «аллилуия» — «хвалите Господа»... (Симеон Солунский истолковывает «аллилуия», как «Господь грядет» — указание на второе пришествие).

Торжественного погребения не заслуживают те члены Церкви, которые сознательно и горделиво отрицают церковное учение

1) Естественно, что православный характер погребения исключает возможность употребления черных облачений, не говоря уже о том, что литургия, даже и заупокойная, не может совершаться в этих облачениях, ибо всякая литургия, по церковному учению, есть Пасха. В греческой и древне-русской Церкви употреблялись красные (Никольский), мученические. Черные же облачения появились в России после Петра Великого под влиянием латинского средневекового обычая.

2) Псалом в еврейском тексте имеет искусственное построение. Он состоит из 22 строф, имеющих алфавитный акростих, по 8 стихов в каждой. Все стихи каждой строфы начинаются с одной и той же буквы. Лучшее толкование на этот псалом в русской богословской литературе принадлежит Еп. Феофану Затворнику — «Псалом сто осмнадцатый, истолкованный».

или легкомысленно-греховно забывают о своих обязанностях в Церкви, которые не принимают участия в церковной соборной молитве и таинствах, в благодатной жизни Церкви. До сего дня остро стоит вопрос церковной дисциплины о совершении полного чина погребения над ними. Но о прощении и их грехов Церковь, как любвеобильная мать, возносит усиленно молитвы. Последование погребения заставляет каждого присутствующего задуматься над отношением к своим обязанностям христианина, принятым в таинствах крещения и миропомазания, над сохранением таинственного залога — дара Св. Духа — до Страшного Суда, когда каждый от своих дел или прославится, или постыдится... «И пойдут сии (грешницы) в муку вечную, а праведники в жизнь вечную» (Мф. 25: 46). ... «Смерть грешников люта...»

У открытого гроба «адамовы внуци» с трепетом переживают страшное таинство смерти, трагедию грехопадения прародителей, когда житель рая «сопрягся смерти», трагедию греха и смерти — оброка греха.

Церковь молится о прощении грехов погребаемого, ибо все пред Богом грешники: «несть человек, иже жив будет и не согрешит». Нет человека, который не осквернил бы и не обезобразил бы грехами первозданной карсоты... «Образ есмь неизреченныя Твоея славы, аще и язвы ношу прегрешений». Об их прощении, о добром ответе на Страшном Суде (ср. Матф. 25: 31-46) и об избавлении усопшего от загробных, вечных, адских мучений и умоляет Господа Церковь, следуя призыву усопшего, который отходит со страхом (см. канон на исход души, «чин, бываемый на разлучение души от тела, внегда человек долго страдает»; видение Блаж. Феофоры в житии Преп. Василия Нового — учение о мытарствах; Слово «на исход души» Св. Кирилла Александрийского) в «страну незнаемую», сознавая множество своих грехов. «Прошу всех и молю, непрестанно о мне молитесь Христу Богу, да не низведен буду по грехом моим на место мучения, но да вчинит мя, идеже свет животный...» «Испрашиваем у богочающей Благости отпущение содеянных усопшим по немощи человеческой грехов» («О церковной иерархии»). У гроба обостряется сознание греховности и немощи человеческой в вере и любви, когда снимаются покровы земной суеты, и раскрывается призрачность земных благ и ценностей, когда чувствуется беспомощность человека пред лицом смерти (см. стихиры самогласны Преп. Иоанна Дамаскина, стихиры на целование и икосы по шестой песни канона иерейского чина погребения). Во всей глубине переживается острая диалектика книги Иова, находящая свое разрешение лишь в живом религиозном

опыте... Вполне понятно употребление этой великой учительной книги Ветхого Завета в западных чинах погребения, особенно в древнем медиоланском обряде. Смерть и тление царят над землей. Благолепие отлагается, и красота, созданная по образу Божию, лежит во гробе «безобразна, бесславна, не имущая вида». «Изыдем и узрим во гробех, яко наги кости человеческие, червей снесь и смрад». Скорбь выливается в рыдании: «Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть».

Но «великий плач и рыдание, велие воздыхание и нужда» умиряются радостными лучами грядущего воскресения и светозарным видением Нового Иерусалима. Рыдающие стихиры Преп. Иоанна Дамаскина сменяются заповедями блаженства и утешительным призывом Апостола, чтобы «не скорбели, как прочие, не имеющие надежды». Апостольское (I Сол. 4: 13-17) и евангельское (Иоан. 5: 24-30) чтения возвещают радостную тайну воскресения, которую трепетно предчувствует великий тайнозритель Ветхого Завета Иезекииль, сподобившийся видения воскресения сухих костей, разбросанных по полю (Иез. 37: 1-10). «Мертвые услышат глас Сына Божия и, услышавши, оживут»... Достоинство причащающийся Тела и Крови Христовых имеет залог грядущего воскресения и обручения «будущего жития» в не вечернем дни Царствия Христова. Евхаристия, по учению Св. Игнатия Богоносца, — «лекарство бессмертия, средство целебное; чтобы не умереть, но чтобы жить во Иисусе Христе постоянно» (ср. евхаристическое богословие Св. Иринея Лионского и др.). «Ядущий Мою плоть и пьющий Мою кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день» (Иоан. 5: 54). Чаем воскресения мертвых, ибо «Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших» (I Кор. 15: 20).

Кончается чин погребения, умолкают звуки песнопений, тело предается земле в ожидании его прозябания, предваряемого трубою Архангела. Такова символика кутьи-колива и посыпания тела и гроба землею. «Человек есть семя... И он, как пшеница, брошенная в землю, опять восстанет силою Божиею и, как бы прозябнув, в будущем веке предстанет Христу совершенный и живой» (Симеон Солунский). День погребения, по Преп. Исааку Сирину, — наша суббота, когда субботствует наше естество. Предстоит день восьмой — воскресение. Наступит «прекрасная и желанная весна, юже обеща преблагий Бог в Писании Своем святом, в которой тела усопших верных из земли, яко семена, силой Божией прозябнувше, восстанут и облекутся в новый, прекрасный вид, в ризу бессмертия одеются» (Св. Тихон Задонский).

Обычное земное целование с усопшим прекращается, иногда с величайшею скорбью, но духовное целование продолжается, ибо не оскудевает любовь, и продолжается общение с усопшим в Церкви... «И последнее целование», говорит Симеон Солунский, «оно дается по причине перехода и разлуки с этой жизнью, и есть как бы обещание и единение: потому что, и умирая, мы не разлучаемся друг с другом, ибо все мы пойдем тем же путем, и будет повелено нам быть вместе, и мы никогда не разлучимся, потому что будем жить во Христе, а теперь соединимся во Христе». За усопшего возносится евхаристическая молитва, за него приносится евхаристическая жертва. Таково учение Церкви, засвидетельствованное древним церковным преданием, начиная с Тертуллиана и Св. Киприана Карфагенского, и подтверждаемое многовековым повседневным опытом Церкви. В евхаристической молитве поминаем всех преждеусопших; «верую, что великая польза бывает душам, о которых приносится моление, когда предлагается святая и страшная Жертва». (Св. Кирилл Иерусалимский). А потому ближние «озабочиваются, чтобы приносима была бескровная жертва, благотворнее которой для усопшего нет ничего, и ничто другое не может послужить источником радости и просвещения, и единения с Богом, наравне с сим священнодействием, в котором за нас, непотребных, изливается самая кровь Господа и жрется божественное тело. Сию-то жертву... любящие усопшего... приносят постоянно... и, чем чаще приносят, тем больше пользы доставляют и получают. Что благотворнее приношения в жертву за нас Христа?...»

«Да помнит же всяк верный, что если он любит своего ближнего, отшедшего отсюда, то доставит ему великие блага приношением за него жертвы и будет для него виновником великой радости, делая подаяния нищим, выкупая пленных и совершая другие дела, которыми умиливается Бог, особенно же усердно совершая за него бескровные жертвы. Частица, вынимаемая во время страшного жертвоприношения, поминовение над нею отшедшего, соединяет его с Богом и дает возможность невидимо быть причастником Его и иметь общение с Ним» (Симеон Солунский). Вершина союза любви — лобызание подается усопшему в таинственном евхаристическом общении. По учению византийского мистика и литургиста Николая Кавасилы (XIV в.), и умершие освящаются причащением, ибо и «им Христос преподает Себя, как знает». Евхаристического хлеба и чаши причащается и род живых, и род мертвых, «каждый соответственным себе способом». «Святая трапеза обща равно и живым и умершим».

Последнее земное целование у гроба сменяется евхаристиче-

ским общением у Св. Чаши. Оно будет продолжаться в Св. Церкви до тех пор, пока не наступит «день восьмой», вечная весна божьего прекрасного мира, когда явится «Солнце души и даст Себя в причастие без покровов» (Николай Кавасила).

БОРИС ИВАНОВИЧ СОВЕ

15-го августа 1962 г. в г. Хельсинки скончался бывший профессор Православного Богословского Института в Париже, Борис Иванович Сове.

Родился Борис Иванович на рубеже двух столетий 21 декабря 1899 г. (ст. ст.) — 3 января 1900 г. (нов. ст.) в г. Выборге, в благочестивой купеческой семье. Особенной набожностью отличалась его мать, благодаря которой Борис Иванович рано почувствовал особое влечение и любовь к храму Божьему.

Уже 10-летним мальчиком он прислуживает на архиерейских службах в качестве жезлоносца. И, будучи одним из любимых прислужников покойного Патриарха Сергия (в бытность его архиепископом Финляндским), 12-летним мальчиком он совершает с Владыкой поездку в древние обители Валаама и Коневца. Эта поездка оставила неизгладимое впечатление в его душе и определила весь дальнейший путь его жизни. Получив среднее образование в выборгском реальном училище, он, по настойчивому желанию родителей и вопреки своим стремлениям, поступает в Петербургский Технологический Институт, окончить который ему не пришлось по обстоятельствам того времени.

В 1924 г. в Париже открывается Православный Богословский Институт и после всяких непреодолимых, казалось, трудностей сбываются мечты Бориса Ивановича. В 1925 г. он принят в число слушателей и по испытании сразу же зачисляется на 2-ой курс Института. С юношеским жаром и горячим рвением принимается Борис Иванович за изучение богословских наук. Он весь отдается любимой работе. И через 3 года обучения, в 1928 г. за свое кандидатское сочинение он удостоен звания кандидата богословия I степени. И в качестве профессорского стипендиата по Ветхому Завету и еврейскому языку посылается в Оксфордский университет для продолжения образования и для усовершенствования в еврейском языке. Еще три года усидчивого труда над богословскими предметами, в частности над книгой Иова, и 14-го февраля 1931 г. Борис Иванович удостоен звания «Bachelor of Letters» (Oxford) за свою работу на тему: «Эсхатология книги Иова».

Осенью 1931 г. Борис Иванович возвращается в Париж и занимает место доцента по кафедре Ветхого Завета и еврейского языка в Православном Богословском Институте. 8 лет читает Борис Иванович лекции в Богословском Институте, участвует в съездах Русского Студенческого Христианского Движения, пишет статьи и заметки в различных богословских журналах: «Путь», «Сергиевские Листки», «Утренняя Заря» и др. Но в 1939 г. военные события задерживают Бориса Ивановича

в Финляндии. Не имея возможности вернуться к любимой работе в Институте, Борис Иванович поступает в 1941 г. на службу в Гельсингфорскую Университетскую Библиотеку, где получает должность библиотекаря славянского отдела. Эту должность Борис Иванович и занимает до самой своей смерти.

В то же время он работает над большим своим трудом, который ему так и не удалось издать, хотя он совсем готов к печати: «Исторический очерк исправления богослужебных книг в России». В рукописях Бориса Ивановича сохранились и другие его труды: «История гимнографии в Русской Церкви», «История литургической науки в России», «Русский Гоар» и др. Вместе с тем с 1952 г. Борис Иванович состоит деятельным членом в комиссии по изданию богослужебных книг Финляндской Православной Церкви. Члены этой комиссии успешно работали над исправлением и переводом богослужебных книг на финский язык. И надо было видеть, с каким чувством глубокого удовлетворения встречал Борис Иванович каждую новую исправленную богослужебную книгу, вышедшую из печати. Но тяжелая глазная операция в 1961 г. приостановила на время и эту работу. А в 1962 г. подкралась и другая беда: сердечная болезнь, которая и унесла Бориса Ивановича в преждевременную могилу.

Проводить Бориса Ивановича в последний путь собрались многочисленные его друзья, сослуживцы и почитатели. В чине отпевания, равно как и за парастасом накануне принимали участие и духовенство Финляндской Православной Церкви и настоятель Московской Патриаршей Покровской Общины. Много было пролито искренних слез, много было сказано теплых слов у гроба; многие впервые узнали, как высоко образован был покойный Борис Иванович, при жизни всегда такой скромный, застенчивый и державшийся в тени.

Памяти отца Льва Липеровского

«Слово» о. Георгия Серикова, написанное в день похорон о. Льва.

(Шатийон, 6-II-1963)

Дорогой, любимый друг и брат Лев Николаевич!

Кланяюсь тебе сейчас за всю жизнь. Кланяюсь со слезами благодарности и тепла, наполняющими мое сердце при памяти о тебе. Ты был одним из самых дорогих и близких мне по духу людей, с которыми я прожил в эмиграции две трети моей жизни. С тобою связаны воспоминания о том, что было для меня всего дороже в жизни — воспоминания о Братстве Св. Троицы и о Р.С.Х. Движении. Не помню уж точно, где мы с тобою встретились впервые (может быть на Первом Аржероне...). Меня, как и многих, пленила твоя русскость, живость твоего ума и темперамента, вся

твоя увлекающаяся натура, твоя сердечность, энергичность, твоя прямота, правдивость, твой веселый жизнерадостный характер и твоя простая, детская вера. Хотя я знаю, что ты проходил через искушения интеллекта, и среда, тебя окружавшая в эпоху твоего участия в Московских религиозных кружках, была средой скептической, интеллигентской, средой со псевдо-научной высокомерностью по отношению к вере и к Церкви, и ты, студент-медик,

а потом и земский врач, вращаясь в этой среде начала века, не мог оставаться индифферентным к веяниям времени, и носившийся в воздухе скепсис требовал пересмотра веры, реакции и иммунитета... Тем не менее, простота и почти детская примитивность тебя не оставляли до конца твоей жизни. И это было может-быть самым замечательным в твоём образе.

Чаще всего мы с тобою встречались, конечно, в эпоху, когда вы с Таисией Ивановной жили в Бэльвью, а мы с мамой и Катей по-соседству в Медоне. И это тогда, на моих глазах и в кругозоре моего сердца, ты вступил в Братство и началась твоя деятельность в Движении. Там и тогда мы с тобой стали родными.

То была весна Братства и Движения.

Помнишь наши бдения, нашу весеннюю и иногда наивную ревность «по Боге», наши беседы без конца на религиозные темы (на Братских собраниях дважды в неделю и на рю Дюпюитрэн)? Помнишь, как однажды, будучи посланными делегатами от Движения на религиозный Съезд в Чехословакию, мы с тобою в поезде всю ночь напролет горячо проговорили по вопросу об аскетизме? Помнишь наши взлеты и мечты? Помнишь нашу бедность и неустроенность? Помнишь, как для «Вечного» мы пренебрегали «временным» и игнорировали жизненное устройство и карьеру ради Царства Небесного? (И это ты, Лев Николаевич, утешал мою маму, когда я, бросив музыку, уехал в Страсбургский университет изучать богословие!). Помнишь, как, ведая о значении образования для веры, мы бегали с подписными листами по Парижу и собирали деньги для создания Православной Богословской Академии и как ты организовывал в ней Курсы для руководителей кружков в Движении? А помнишь наши движенские «финансовые кампании», для организации которых ты был поставлен ответственным руководителем; «финансовые кампании» — такие жертвенные и плодотворные для нас духовно!

Помнишь, как там, в наших краях Медона и Бэльвью, на авеню дю Шато (напротив дома, где жил Н. К. Метнер) Движением бурно обсуждался вопрос о том, открывать ли Движению свою церковь или нет. «Наша» сторона взяла верх и церковь во имя Введения во Храм была учреждена! Тогда многие боялись этого. Боялись, что православный храм может помешать Движению, с одной стороны, сохранить свою обще-христианскую значимость и, с другой стороны, может испугать и оттолкнуть от Движения мало церковную молодежь, ценящую в Движении именно его «светскость», мирянскость... Впрочем эти страхи, как помнишь, быстро рассеялись и не только храм при Движении с его благочестием, а и священнические рясы, в которые постепенно одевались некоторые его члены, вовсе не помешали Движению оставаться широким, жизненным, современным и всеобъемлющим, каким оно и было задумано. И ты тогда стал дьяконом, не переставая практиковать медицину и твоя любовь к православному богослужению сочеталась с любовью к науке. (Как сейчас, я вижу тебя с двумя книгами в руках: в одной руке «Проблема бессмертия в современной биологии» проф. С. И. Метельникова и в другой руке служебник!).

Хотя ты носил звание «Центрального Секретаря» Движения титул звучащий очень холодно, машинно-бюрократически и по западно-европейски, но простота и сердечность подхода к

людям тебя никогда не покидали и привлекали к тебе сердца молодежи: ты пользовался неизменным успехом и на Балканах и в Прибалтике, и в Англии, и в Америке. Твоя русская открытость и ласковость, твое внимание к чужой душе и ее нуждам, твоя бодрость духа и твой веселый нрав могли не пленять лишь людей черствых и косных.

Ты иногда производил впечатление «бравирования» неприятностей и обхода трудностей «с фланга», ты шутливо призывал грустных и скорбящих людей «смотреть на все с наплевательской точки зрения». Но, конечно, это не было французским «же м'ан фиш-измом» и поверхностностью отношений (ибо ты близко к сердцу принимал чужое горе), но это было твоим веселым методом не допускающим отчаяния. В этом сказывалась сила твоей веры и надежды на лучшее, сказывалось знание, что «смелым Бог владеет», а что уныние и чрезмерная тоска никакой пользы человеку не принесут.

Ты был «общественником» (может-быть в этом сказываются следы твоей старо-русской, народнической закваски), и ты не только любил общество, общение с людьми, общую беседу в кружках, но тебе дорога была идея общественной совместной **деятельности**. И, думаю, этим объясняется твое горячее участие в работе Движения и предшествующее ему вступление в Братство. Еще в августе 1925-го года ты писал мне и скорбел о недостаточности **Общего Дела** в Братстве. И с тех пор всегда соглашался со мной, что одного индивидуального, духовного подвига и делаения братчиками не достаточно, и что внутреннее горение должно выражаться социально. Хотя ты (вместе с Василием Васильевичем) считал, что Братство и братотворение является центром Движения (см. ответ на анкету 1928 г.), ты совсем не полагал, что это должно нас успокаивать и убаюкивать, но наоборот, должно возбуждать нашу активность, нашу ответственность, наше участие в Движении. Ты, конечно, принадлежал к типу не созерцательных, но активных христиан.

Вспоминаю еще одну черту твоего характера... Как известно, чрезмерная широта, заинтересованность многим и многими, угрожает человеку разбросанностью и дилетантизмом. И тебе присущ был дилетантизм (русский дилетантизм Райского и Рудина). Ты, конечно, никогда не мог бы быть «ученым», узким специалистом или «профессором». Но, может-быть, и слава Богу! «Всякое дыхание да хвалит Господа!» Когда игумен Синайского монастыря, возмущенный не-шаблонностью монаха Иоанна (Дамаскина) — монаха необыкновенного, оригинального, не устав-

ного — выгнал его из монастыря, то Божия Матерь ночью в видении явилась строгому игумену и сказала, чтобы он принял снова к себе в монастырь этого особенного монаха композитора-поэта:

«Оставь земле ее цветы,
Оставь созвучья Дамаскину!»

Ты был одним из тех, кто находил правду не в книгах, а в душе человека, в живом с ним общении и твой интерес ко многим и ко многому был твоим даром, твоим своеобразным даром Божиим. Твоя вера, твоя сильная русская вера, оставалась до конца простой, примитивной. Но природная «смекалка» и талантливость оказывали тебе, в твоём миссионерстве, услугу гораздо большую, чем другим людям оказывают их экзегетические и апологетические знания.

Мне ведомо, как дорога была людям твоя простота и прямота души. Людей — особенно молодежь — привлекало к себе то, что ты никогда «не ходил на ходулях» и, будучи по природе благочестивым, не переносил ханжества, «елейности» и показной религиозности. Люди чувствовали, что наибольшим авторитетом были для тебя не «власти», не епископы, а ПРАВДА, правда о Боге, о человеке и о жизни, и что этой Правде ты служил от всего сердца.

Ты был миролюбивый человек и в церковных спорах не хотел разделений: как-то давно (м. б. в 1931 году) ты писал в письме относительно разногласия между митр. Евлогием и митр. Антонием: «Относительно церковного раздора я могу сказать только одно: когда спрашивают детей, кого они больше любят: папу или маму, то они обычно отвечают «обоих больше!» Так и я люблю обоих митрополитов и ни от кого не хочу отречься, буду служить со всеми. В «запрещение» не верю. Это дело человеческое, а не Божие!»

Жаль мне и я очень скорблю, что мы с тобой все-таки разошлись «юрисдикционно». Думаю, что в твоей новой установке со «ставкой» на «патриаршую церковь» большую роль сыграла твоя русская природа, твое «почвенничество» и «ностальгия», а, с другой стороны, некая отчужденность от Европы, незнание языков, а, отчасти, и ослабление веры в религиозные задачи русской эмиграции: те уроки Запада, которые получили русские эмигранты от католиков и протестантов (да и вообще от Западной культуры), для тебя не были столь существенными, как например для меня, чтобы можно было с ними особенно считаться и желать

обогатить ими русскую религиозность. Русское храмовое благочестие и та любовь к богослужению, о которых свидетельствуют нам и восторгаются все, даже иностранные «визитеры» в С.С.С.Р., поистине так удивительны и трогательны, что, глядя на них, люди готовы забыть элементарную христианскую истину, что любовью ко храму и к обрядам, вообще к культу вовсе не исчерпывается религиозная жизнь человека и что у горсточки русских православных эмигрантов есть в руках несравнимое ни с чем сокровище — СВОБОДНОЕ СЛОВО! И ты — по природе-то свободолюбивый человек — предпочел быть связанным с несвободной подсоветской церковью и, оставаясь в эмиграции (!?), предпочел отказаться от дарованного Богом эмиграции великого дара и великого бремени — свободы!

В этом пункте мы с тобою мыслили по-разному. Но, несмотря на это наше разногласие, я всегда страдал при случавшихся с тобою «юрисдикционных» инцидентах. Особенно больно мне было в тот момент, когда ты смертельно заболел и когда один дьякон «нашей» юрисдикции, поощряемый епископом (!), под предлогом «чтобы не смущать прихожан», отказал мне в моей просьбе за тебя помолиться, потому что ты был другой юрисдикции. Прости нас в нашей ревности «не в меру»! Я прошу у тебя прощения и прошу молитв твоих, чтобы Господь научил нас, как некогда научил Он ревностных «братьев Громовых-Зеведеевых», помнить «какого мы духа» (Лк. IX, 55) ¹⁾.

Теперь ты ушел от нас — вас много там, от нас ушедших братчиков: о. Александр, о. Андроник, о. Михаил, о. Василий, о. Димитрий, Таисия Ивановна, Елена Вячеславовна, София Евгениевна! Теперь, находясь вне времени, вы вспоминаете о том, что было на земле, в этот краткий *sub specie æternitatis* миг нашей встречи, нашей любви, нашего братотворения, нашей совместной деятельности на ниве Христовой. Зачем все это было? «Зачем эта ни на чем повешенная земля?» (Иов. 26, 7). Зачем этот миг клином, или занозой вошедший в вечность? И эта нива, зачем? —

¹⁾ Тут хочу сказать еще об одном твоём деле, имеющем церковное значение. Тебе было известно, что митрополит Сергей (впоследствии патриарх Русской Церкви) осудил богословие о. Сергея Булгакова, к сожалению, без предварительного чтения трудов о. С. Булгакова, на основании только докладной записки некоторых лиц. Ты, любя твоего духовного отца о. Сергея и чтя его память, решил воспользоваться твоей поездкой в Сов. Россию и взял с собой многие книги о. С. Булгакова, чтобы показать их Патриарху (уже Алексею) и добиться от него пересмотра дела. И Патриарх Алексей отнесся сочувственно к твоему предложению и сказал: «Мы это дело пересмотрим».

нива, в которой плевелов больше чем злаков и вся она в терниях, на каменной, бесплодной почве наших сердец, вся облита слезами и кровью?! И зачем Вечности понадобилось умалиться до ничтожества? и небесам склониться до земли? «Что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его?» (Пс. VIII, 5):

«Все пепел, призрак, тень и дым...
Исчезнет все как вихорь пыльный,
И перед смертью мы стоим,
И безоружны и бессильны!» (Иоанн Дамаскин).

«Опротивела душе моей жизнь моя! Предамся печали моей.
Буду говорить в горести души моей» (Иов. X, 1).

«Не буду удерживать уст моих,
Буду говорить в стеснении духа моего,
Буду жаловаться в горести души моей!» (Иов. VII, 11).
«Когда подумаю: «утешит меня постель моя,
Унесет горесть мою ложе мое»,
Но тогда Ты страшишь меня снами
И видениями пугаешь меня.
Душа моя желает лучше прекращения дыхания,
Лучше смерти, нежели сбережения костей моих!
Опротивела мне жизнь. Не вечно жить мне.
Отступи от меня, ибо дни мои — суета!

Что такое человек, что Ты столько ценишь его
И обращаешь на него внимание Твое?» (Иов. VII, 13-17).
И что наша жизнь — этот миг света, любви и знания в океане тьмы и неведения?!

«Доколе же Ты не оставишь меня,
доколе не отойдешь от меня,
доколе не дашь мне проглотить слюну мою?!
Если я согрешил, то в чем?
Что сделал я Тебе, Страх человеков!?
Зачем Ты поставил меня противником Себе,
Так что я стал самому себе в тягость?!

(Иов. VII, 19-20).

Но может быть:

«Чем ночь темней — тем ярче звезды,
Чем больше скорбь — тем ближе Бог!»

И если в нашем ничтожестве, в мимолетной малости земной жизни нами сознается бесконечность и обнимается необъятность, то этот миг откровения и света, эта встреча двух сердец, эта эфемерная улыбка и нежность и ласковость среди непонятной и кошмарной ночи действительности, этот Крест с распятой на нем Любовью... приобретают безграничную значимость и выходят из времени и бесконечно малое касается бесконечно Великого. Круг завершается. И «Сын Человеческий» входит в полноту «Сына Божия»!

Памяти протоиерея Льва Липеровского

В лице сончавшегося о. Льва ушел в лучший мир один из старейших членов РСХД. Поскольку мне хорошо известна его жизнь еще в дореволюционной России, хочется вспомнить его молодые годы.

Покойный был коренной москвич, сын священника. Когда был основан студенческий христианский кружок в Москве, он был на 2-м курсе медицинского факультета и вошел в состав основателей кружка. В его комнате на Арбате происходили встречи студентов, читалось и разбиралось Евангелие. К мнению хозяина, как представителя естественных наук, многие особенно прислушивались. В то время медики и естественники представляли собой передовиков материалистического мировоззрения, но о. Лев всегда доказывал, что между наукой и религией нет коренных противоречий.

О. Лев с самых ранних лет был — и остался на всю жизнь — горячим общественником в лучшем смысле этого слова. Несмотря на загруженность университетскими занятиями, он всегда принимал активное участие в кружке и успевал следить за идейными течениями Москвы. Его можно было встретить и в Религиозно-Философском Обществе имени Вл. Соловьева, и в университетском кружке физиологов и в группах по изучению Евангелия. Его всегда волновали вопросы науки, философии и религии, но это был не отвле-

ченный умственный интерес, а поиски идей для руководства в окружающей жизненной обстановке.

Весной 1913 г. о. Лев окончил медицинский факультет. Перед ним, как молодым врачом, открыты были широкие возможности научной и практической работы. Но к общему удивлению, он не пошел ни по одному из проторенных путей, а решил пролагать новые: он поехал в деревню в качестве «вольнопрактикующего врача». Это был, вероятно, первый, а может быть и единственный случай врачебной работы, принимая во внимание возможность работы в деревне в качестве земского врача. Избирая этот путь, о. Лев стремился к тому, чтобы быть не только врачом-профессионалом, но и христианским и культурным деятелем среди крестьян. В тесном сотрудничестве с местными помещиками и с сельским священником, о. Лев пытался внести в среду предреволюционного крестьянства начала живого Евангелия и здоровой церковной общественности. Кроме чисто медицинской работы, он проводил популярные лекции, занимался с детьми, устраивал для борьбы с пьянством «трезвые свадьбы», призывая как врач и христианин к оздоровлению всех сторон крестьянского быта.

Однако все это продолжалось недолго. Через год вспыхнула первая мировая война, и о. Лев оказался на фронте в качестве военного врача. За 3 года войны он несколько раз приезжал в Москву и встречался с членами кружка. И там работа захватывала его, он был полон энергии и не стремился к более спокойным условиям тыловой работы.

Когда произошла февральская революция и фронт развалился, о. Лев приехал опять в Москву вместе с молодой женой. Но и здесь он не увлекся политикой, а по-прежнему работал с московским кружком, с представителями У.М.С.А. и поддерживал связь с теми церковно-общественными группировками, которые готовились к открывавшемуся в Москве Всероссийскому Церковному Собору. В воздухе уже чувствовалось приближение большевистской революции и это очень волновало церковно-общественные круги, которые боялись за судьбу собравшегося Собора. Помню, что накануне московского восстания я был вместе с о. Львом на одном частном собрании, на котором присутствовал С. Н. Булгаков и другие члены Собора. Настроение было пессимистическое, так как в стране господствовали самые крайние политические лозунги. После этого собрания я ночевал у о. Льва, и утром нас разбудили пушки, обстреливавшие Кремль...

С приходом к власти большевиков общественная деятельность о. Льва не прекращалась, но стала тесно связываться с Православ-

ною Церковью. Благодаря авторитету патриарха Тихона, в Москве возникла сеть церковных братств, независимых от приходских границ. Мы с о. Львом состояли в Братстве Св. Алексия, митрополита Московского, которое возглавлял известный прот. Роман Медведь, рано погибший в концлагере. О. Лев работал там в качестве лектора, проповедника и организатора. Его выступления с церковного амвона стали известны Патриарху Тихону, который вскоре посвятил его во вновь учрежденный чин «благовестника». После этого о. Лев имел право выступать с проповедями во всех храмах Москвы.

Когда у о. Льва родилась дочь, то врачи стали ему советовать покинуть голодную Москву, чтобы сохранить жизнь ребенка. Летом о. Лев с семьей уехал в Сибирь. Распрощавшись с ним, наши пути разошлись и дальнейшая деятельность о. Льва пошла вне моего поля зрения. До его Московских друзей только доходили кое-какие сведения о том, что он принял сан дьякона, что потерял дочь и жену и живет во Франции.

Можно было думать, что нам уже не суждено встретиться. Но неисповедимыми путями Божьими нам пришлось еще встретиться с о. Львом после второй мировой войны. Сначала я посетил его в Ст. Женевьев, а потом он был у меня в Англии. С тех пор, несмотря на переезд в Америку, мы переписывались с ним до самого последнего времени. К новому 1963 г. я получил экземпляр его последнего труда — «Чудеса и притчи Христовы». Письмо и авторская надпись были сделаны левой рукой, так как после удара правая рука о. Льва была парализована.

Однако еще до своей болезни о. Лев имел случай посетить СССР в 1959 г. и побывать в родной Москве. В изданной им брошюре «Сорок лет спустя», он подробно описал свои впечатления, включая и посещение родного дома, куда он пришел и наугад позвонил. Он сорок лет не имел никакой связи с родными, но в соседней квартире ему удалось встретить своих племянниц — старшего поколения уже не оказалось в живых...

Я сознательно не касаюсь жизни о. Льва за границей, о которой должен написать кто-либо другой, кто его мог встречать в Париже. Для меня же ушел из жизни старый друг и соратник ранней молодости. Да упокоит Господь его душу!

С. Щ.

Памяти Ю. И. Демидова

Заболевание помешало мне быть на отпевании Юрия Игоревича и это понуждает меня еще более думать о почившем. Захотелось в то же время и запечатлеть кое-что из того, что так упорно приходит на ум и сердце.

4-7-1903 — 21-2-1963

Юрий Игоревич это особый, особенный человек — вот первая мысль о нем, и вот вторая, неразлучная с первой: да, особый, но свой, родной человек! Почему же свой?

Вероятно, потому что при первой же встрече подошел он ко мне, как к своему и это навсегда так и осталось.

Я думаю, так было не со мною одним, потому что у Юрия Игоревича все было от сердца.

Случалось не соглашаться с ним, почти сердиться на него, но не по-настоящему. Разве можно сердиться на чужое сердце? Другое было, если бы было бессердечие. Но бывала и другого рода снисходительность в отношении его: он мол чудак, медведь, какой-то Пьер Безухов двадцатого века. К этому роду снисходительности примешивалось искушение и впрямь взглянуть на него немного сверху вниз, как на кого-то, кто не вполне серьезен, как на человека, которого нельзя до конца принять всерьез.

Но вот тут-то, и обычно очень скоро наступало посрамление этому искушению. Это посрамление случалось иногда во время какой-либо личной интимной беседы с ним, когда ясно выступала внутренняя серьезность Юрия Игоревича, его сдержанность и затаенная деликатность. Иногда же посрамление этой неуместной снисходительности происходило при других обстоятельствах. Так помню, как вдруг он предстал передо мною во весь свой духовный рост во время одной его миссионерской беседы с молодежью в Брюсселе, куда я ездил вместе с ним.

Начал он говорить несвязно, извиняясь за эту несвязность, но почти сразу выпрямился и полохнул таким огнем, что стало очевидным, какая внутренняя духовная сила таилась в нем. В то же время стало понятным почему он такой особенный и такой свой. Не в каждом сердце есть такой огонь стояния за Правду и такое пламя чистой любви. Это было пламя миссионерского, дерзну сказать, апостольского служения.

А вот теперь еще одно. Последняя встреча с ним и новое посрамление непрощенной снисходительности. Эта встреча — это его статья в последнем номере «Jeunesse Orthodoxe», полученного мною чуть позже известия о его смерти. В этой статье о II-ом Ватиканском Соборе все умно, все продумано, все взвешено и все на месте и, как всегда, все сердечно.

Невольно думается, что Юрий Игоревич только начинал давать, что мог бы дать, только выпрямлялся, только восходил на бой, как воин Христов. Да, только, только... А вот все оборвалось!

За его духовную судьбу в другом мире не страшно, Господь-то видит все то, что пылало в нем, то, что мы видели как бы через щелку. И Господь-то милосерд.

А вот мы?! Мы, может-быть виноваты, что видели в нем меньше, чем могли и не помогли раньше развернуться во всю ширь его силе; недостаточно укрепили в нем веру в самого себя, кото-

рая наряду с верою в Бога нужна, особенно тем, кто пробует свои силы.

Впрочем, в очах Господа был он, наверно, зрелым плодом. Иначе не призвал бы его Господь!

Прот. А. Семенов-Тянь-Шанский

ВЕРНЫЙ ДРУГ

19 лет тому назад я познакомился с Ю. И. Демидовым. Осенью 1944 г. он поступил в Богословский Институт, а я в это же время кончал свое учение в Академии. Я прожил с Юрием Игоревичем в Институте вместе несколько недель, наши кровати стояли рядом в студенческом дортуаре и уже здесь начались наши беседы на богословские темы и сразу же я почувствовал с ним духовное родство, общность идейных устремлений.

Осенью же 1944 г. я был избран секретарем Русского Студенческого Христианского Движения во Франции; вскоре и Ю. И. Демидов примкнул к работе РСХД и стал не только активным членом Движения, но тем редким сотрудником, который не только духовно питался от Движения, но который все свои силы, дарования и способности отдал работе РСХД. Мне кажется, что после того, как он стал членом Движения, он не мог и представить своей жизни вне участия в жизни и работе РСХД. Для него работа в Движении не была временным, преходящим эпизодом его жизни, а скорее было тем, в чем он осуществлял свое служение Христу и Его Церкви, что помогало ему самому духовно расти, укрепляться в вере, самому обогащаться у Церкви и вести борьбу за устройство своего внутреннего мира.

Ю. И. Демидов не слепо верил, его вера всегда питалась у источников христианского знания. 40-а лет он поступил в Богословский Институт и здесь он навсегда полюбил богословское знание. Для него богословие не было отвлеченной схоластической наукой, а действительно было живой силой, помогавшей ему решать трудные вопросы жизни и восходить и приобщаться к Богу. Каждая лекция, каждый доклад будили у него новые вопросы и у каждого докладчика он был благодарным слушателем. Это последнее указывает на особые дарования его души и сердца.

*) Русская Мысль, № 1963, 2-3-1963.

Ю. И. был человеком исключительной доброты, человеком, который был способен возгораться особым доверием к каждому человеку, с которым ему приходилось вместе трудиться. Внешне он казался строгим, взыскательным, требовательным, но те, кто хорошо его знали могут сказать, что таким он именно только «казался», тогда как в действительности он был удивительно добрым и любящим человеком. Его богатырское сложение, его напускная суровость, порождавшая у детей, мало его знавших, трепет, в действительности не означало ни его неприступности, ни суровости. Наоборот, Ю. И. был редким человеком, сердце которого излучало столько нежности, ласки и доброты. В своей работе с детьми он никогда не соблазнялся демагогическими приемами снискания себе популярности, а скорее завоевывал молодые сердца тем, что реально любил детей и молодежь, и последние это чувствовали и отвечали тем же.

Ю. И. особенно любил в РСХД работу с детьми. Она приносила ему особое внутреннее удовлетворение, поэтому-то он с таким вдохновением включался в лагерную работу. Тут он начинал как бы дышать полной грудью, здесь все его дарования находили свое приложение, находили всевозможные формы воплощения. Еще задолго до начала лагеря он разрабатывал план постановки лагеря, затем ехал первым ставить его, а в лагере читал лекции на самые разнообразные темы, издавал стенгазету, готовил детей к экзаменам, принимал самое активное участие в решении сложных педагогических задач, оказывал помощь по хозяйству и во все он включался не щадя ни своих сил, ни здоровья. Одно его присутствие в лагере у большинства порождало чувство спокойствия и уверенности.

И всегда и во всем он старался быть верным правде и справедливости. Компромиссы ему казались не допустимыми ни при каких обстоятельствах, поэтому он всегда болезненно переживал, если оказывался хотя бы свидетелем компромиссных решений. Недаром он столь любил русскую литературу, ибо она была для него голосом правдивой, стойкой совести русских писателей, примеру и вдохновению которых он посильно и сам стремился следовать в своей жизни.

В заключение я хочу отметить, что лично для меня преждевременная смерть Ю. И. является большим горем, ибо я лишился редкого друга. 15 лет я с ним совместно работал, вместе мы с ним организовывали съезды РСХД, вместе проводили миссионерскую работу в кружках, в летних лагерях, совместно обсуждали планы издания наших журналов и всегда и во всем, в самых труд-

ных и безнадежных наших начинаниях он поддерживал, подбадривал, утешал. В нем всегда была готовность разделить трудности работы, ибо как только воз утопал в грязи, в трудностях пути — Ю. И. всегда впрягался, чтобы общими усилиями вывезти его. Не всегда он был согласен с тем, как развивалась, строилась работа РСХД, но несмотря на это он оставался в Движении и продолжал работу, ибо в Движении он прежде всего видел не организацию, а видел и ценил основную идею, основное устремление, ставящее своей задачей привлечение молодых душ ко Христу, к активному участию в жизни Церкви.

Ю. И. прежде всего любил человека и для него не было большей радости, если он мог оказать кому бы то ни было духовную либо иную какую помощь. Угостить он каждого стремился максимально, дать «на чай» в десять раз больше обычного, оказать внимание всякому новому члену РСХД с такой любовью, чтобы тот сразу же почувствовал себя членом большой семьи Движения. Ценно в нем было то, что он любовь к человеку не подменил светской вежливостью. Человек для него никогда не был средством, а всегда величайшей ценностью, которая оставалась ценностью в любом возрасте и при любом социальном положении.

Ценно в Ю. И. было то, что он и сам нуждался в людях. В нем никогда не чувствовалось гордой самодостаточности. Он искал друзей, с которыми он готов был делиться всем, что его волновало, что его мучило. И если ему нужно было принимать важные решения в своей жизни, то по поводу их он всегда советовался со своими друзьями. Всегда он искал соборного решения, искал поддержки, одобрения и согласия своих друзей.

Вот и за время своего десятидневного пребывания в госпитале, у него уже установились самые дружественные отношения с теми, кто оказывал ему медицинскую помощь. И в последний день его жизни, когда повезли его на вторую операцию, за благополучный исход коей он видно и сам волновался, то тогда он попросил сестру милосердия передать его друзьям: «Попцелуйте от меня всех моих друзей». И в этот момент жизни он искал помощи и поддержки у своих друзей, которых он чистосердечно и глубоко любил. Лишились мы настоящего друга, будем же свято хранить память того, с кем мы сообща трудились, кто своей жизнью учил нас подлинной любви к человеку.

И. В. Морозов

Памяти друга

Печален я, со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку,
Кому бы мог пожать от сердца руку
И пожелать веселых много лет.

Пушкин.

Смерть часто является мерилем жизни. Одних, нередко сильных и знатных, она умалает безжалостно, обнажая их внутреннюю пустоту, иных иногда малоуспешных в глазах света, превозносит, раскрывая богатство их духовной жизни. Юрий Игоревич Демидов принадлежал, или, вернее, принадлежит к числу тех редких людей, смерть которых является глубоким духовным событием для близких и друзей. Дело тут, конечно, не во внешних обстоятельствах: умер Ю. И. просто, как просто жил. Но в этой обыденной, и ничем не примечательной смерти с поразительной силой раскрылась вся красота его духовного облика, это остро почувствовали все те, кто знали и любили Ю. И. Демидова. Последние дни его жизни, когда он лежал в госпитале, были для него настоящим торжеством дружбы. Будучи холостым и по характеру скорей одиноким человеком, Юрий Игоревич, в эти дни испытаний, осознал, что он не только не одинок, но, наоборот, несметно богат друзьями; осознал он это с некоторым удивлением, присущим его скромности, но и с глубокой радостью, так как иных богатств он не искал — деньги, положение и всевозможные почести, на которые мы все так падки, его не интересовали.

В одном письме по поводу облика «идеального человека» Достоевский писал: «Из прекрасных лиц в литературе христианской стоит всего законченнее Дон Кихот». У Ю. И. было, без сомнения, много общего с героем Сервантеса. Рост, неуклюжесть, а подчас и некоторая комичность, нередко вдумчивая грусть, присущая людям любящим и сострадательным, бедность, та настоящая евангельская бедность, которая не превозносится, не претендует быть живым и укоряющим примером, не гнушается земных благ, не презирает богатых, которая, наконец, всегда сопряжена со щедростью и самоотдачей. Но основное сходство Ю. И. с Дон Кихотом было в рыцарстве. Понятие рыцарства не так легко поддается анализу; основной его чертой является скорее всего верность в служении избранному идеалу или, вернее, лицу, воплощающему этот идеал. В этом смысле, можно сказать, что Юрий Игоревич был рыцарем Православия и рыцарем Христа. Рыцарство не тождественно со святостью и с подвижничеством, хотя и содержит некоторые из их черт. Рыцарство есть полная отдача идеалу, усмирение самости, самозабвение, в какой-то мере рабство. Юрий Игоревич был верным рабом своего Хозяина и в этом рабстве обрел истинную свободу. В рыцарстве есть горячность, подчас переходящая в страстность; твердость, граничащая с упрямством; честность, сопряженная иногда с негибкостью. Рыцарь является также защитником малых и слабых, униженных и оскорбленных. Перед вечной готовностью Юрия Игоревича помочь, защитить, согреть невольно вспоминаются замечательные строчки Пастернака:

«Жизнь есть только растворение
Нас самих во всех других,
Как бы им в дарение.»

Часто глубина этого «дарения» раскрывается лишь в смерти дарящего. Так было для большинства из нас только при вести о его кончине, осознавших, как много он давал, «дарил» каждому из нас.

Рядом с рыцарством в Юрии Игоревиче было еще и барство, то русское барство, которое так глупо и безжалостно было обречено торжествующим пролетариатом на насильную смерть или на медленное и уже почти закончившееся умирание. Определить барство дело не легкое, оно является сочетанием аристократизма духа (а не титула или положения) с целым рядом черт характера: чувство собственного достоинства, какие бы ни были условия жизни, умение владеть собой, внимание к посторонним, независимо от их социального уровня или положения, связанная с этим вниманием настоящая, не внешняя, воспитанность, щедрость, размах и широта во всем.

Юрий Игоревич был подлинно культурным человеком. Он хорошо знал русскую историю и словесность и был страстно влюблен в русскую поэзию. Обладая незаурядной памятью, он часто любил декламировать в тесном кругу друзей за «чашей пуншевою». Тут рядом с классикой серебряного и особенно золотого века было место и шуточным стихам и пародиям: Блок соседствовал с автором «Парнасса дыбом», а Пушкин не расставался со своим другом Ишкой Мятлевым:

«И нос испанской девы Мэри
Не есть испанский мэринос».

Эти две строчки автора «Госпожи Курдюковой» неразрывно связаны с обликом декламирующего Ю. И. и могли бы послужить лейт-мотивом его весело-беспечных моментов.

В годы войны потребность углубить веру и тяга к богословию привели Юрия Игоревича, уже в зрелом возрасте, в ряды студентов парижского Богословского Института. Можно безошибочно сказать, что священство было его заветной мечтой, которой, только из-за внешних причин, не суждено было осуществиться. Как-то раз в разговоре он с большой грустью признался, что отказался от мысли рукоположения исключительно из-за последствий перенесенного энцефалита, последствия, которые, в его глазах, не позволили бы ему совершать таинство Евхаристии (у него был главным образом страх уронить чашу).

Свое духовное призвание Юрий Игоревич осуществил в Движении и в Интернате Св. Георгия. О его работе в Движении много уже сказано. В Интернате Св. Георгия Юрий Игоревич был одновременно преподавателем, воспитателем и секретарем, но, главным образом, он был в этом католическом заведении свидетелем Православия. Свидетельство его было тем более ценным, что оно протекало в духе любви и открытости, без полемики и уклона, который так часто мешает в экуменической работе. Ю. И. несомненно чувствовал себя неким связывающим звеном между Православной и Католической Церквами и его старание в деле взаимного ознакомления и сближения прошли не бесплодно. Перед тем как закончить эту весьма несовершенную характеристику Юрия

Игоревича, хотелось бы от всей души поблагодарить отцов Интерната за то внимание, ласку и любовь, которые они проявили к нему. Они стали для него большой семьей, в которой у него было свое очень определенное и незаменимое место.

У Юрия Игоревича Демидова как у каждого из нас были свои недостатки, но они являлись как бы изнанкой, теневой стороной его редких качеств. Во всем своем облике, во всех своих мыслях и поступках он был «настоящим» человеком, то-есть в нем не было ни малейшей игры, фальши или лжи. Такие люди редко встречаются, потому-то и уход их так остро ощущается близкими и друзьями.

Петр А. Струве

Памяти Николая Николаевича Бубнова

В августе с. г. в Гейдельберге скончался заслуженный профессор философии Н. Н. Бубнов. Я хорошо знал почившего и хотел бы поделиться с читателями **Вестника** краткими воспоминаниями о встречах с ним.

Осенью 1913 года, окончив Александровский Лицей и сдав государственные экзамены при Петербургском Университете, я отправился для дальнейшего учения в Гейдельберг — к Виндельбанду. Подобные поездки начинающих философов носили в то время характер настоящих паломничеств: мы ехали не «за границу», не к немецким профессорам, а к священным источникам знания, к жрецам мудрости и культуры*)... И я, несмотря на свои два диплома и на чин титулярного советника, был совершенно наивным юнцом, с душой открытой для всего «прекрасного и высокого»...

Виндельбанд принял меня благосклонно и доброжелательно. Посоветовал слушать свой курс древней философии, работать в его семинаре, слушать профессора Ласка, и заниматься в семинаре приват-доцента Бубнова. Последнее было для меня приятной неожиданностью: в чужой стране, в немецком университете я нашел своего человека: русского, петербуржца, к тому же посвященного во все тайны трансцендентализма. Я сейчас же отправился к нему на дом (он жил на окраине города со своей старушкой матерью). Меня встретил молодой, красивый, приветливый ученый, дружеской помощи и руководству которого я обязан в течение незабвенного года, проведенного мною в Гейдельберге. Увы, только года! в последние дни летнего семестра (в июле 1914 года) я получил тревожную телеграмму от моего отца: «*Przeżaj nemedlenno pgiatum putiom*». И это было во-время: я переехал границу последним поездом, когда уже начиналась перестрелка.

Помощь Н. Н. мне была очень нужна, ибо первые шаги в области философии легко могут привести неискушенного к отчаянию. Виндельбанд был великолепен: после его лекций я уходил домой потрясенным — как после гениального концерта; натывался на фонари, забывал номер своего дома... Он открывал перед нами бесконечные перспективы

*) Прекрасно писал об этом (в «Охранной грамоте») Пастернак.

человеческого духа, древние мудрецы становились нашими современниками и собеседниками, пафос его лекций жив во мне и сейчас — почти полвека спустя... Но совсем другое ожидало меня у Ласка, читавшего систематический курс гносеологии. Я просто ничего не понимал. Пришел к нему раз, второй, третий: все то же; множество непонятных слов и их сочетаний в еще более непонятных формулах. В отчаянии я опять пошел к Виндельбанду; тот улыбнулся и сказал: «в таком случае оставьте». И это было ошибкой! Ибо что-то из слышанного и тогда непонятого залегло в подсознании и «*Das Reich der zeitlosen Wahrheiten*» (царство безвременных истин) ожило вдруг через три года! Но возможно это стало только благодаря помощи Н. Н. Бубнова. «Нельзя в настоящее время касаться философских вопросов, не выплачивая хотя бы минимальной дани теории познания и не делая реверанса перед китайским драконом «критицизма», ныне красующимся на фронтоне философской академии», так писал в 1912 году о. Сергей, тогда еще Сергей Николаевич Булгаков. Но он писал это в Москве, и его читали Е. Н. Трубецкой, П. А. Флоренский, В. Ф. Эрн... А я пребывал в самом логове этого китайского дракона, и не мог ограничиться формальным реверансом перед чудовищем мудрости, ибо жаждал не только общения с ним, но и некоторого признания с его стороны. А для этого нужно было первым долгом понять его в том самом существенном и главном, что составляет душу кантианства и чем оно к себе привлекает: в его искании безусловной истины, в которой нельзя сомневаться. И вот этим-то мы и занимались в семинаре Н. Н., посвященном изучению «Критики чистого разума». Книгу эту, конечно, можно изучать с разных точек зрения. Онее ломали себе зубы большинство русских философов. В известном смысле, кантианство может считаться ими преодоленным*). И все же, несмотря на это, оно сохраняет свое вечное значение, и тот, кто не понимает Канта, вряд ли способен понять что-либо во всей дальнейшей философии.

Но вопрос здесь идет не о последовательном изучении параграфов, а о некоем «вхождении» в мир критицизма, о некоем приятии основной позиции трансцендентализма. И это «событие» в жизни философа, это его рождение в новое совершеннолетнее состояние мысли гораздо более похоже на чудо художественного восприятия, на внезапное озарение, чем на умственное усилие.

«*Die Kopernikanische Tat*» — «коперниковское деяние» Канта невозможно «растолковать»: его нужно пережить и принять (хотя единственным путем к этому приятию является его истолкование). И вот этим-то я и обязан Николаю Николаевичу. Помню его семинары, где мы слово за словом, фразу за фразой читали и разбирали Трансцендентальную эстетику. Не понимаю! а затем долгие беседы с ним; вопросы, ответы, желание понять с моей стороны, терпение и понимание моего непонимания — с его стороны... И вдруг: понял! нашел ключ! открыл дверь! теперь все ясно, надо только идти вперед.

За это я Н. Н. безмерно благодарен, за это я называю его своим

*) Об этом говорят заглавия таких книг, как «Метафизические предположения познания — опыт преодоления Канта и Кантианства» кн. Е. Н. Трубецкого, или «Внутренний кризис трансцендентального идеализма» С. А. Аскольдова.

учителем, хотя в дальнейшем наши философские пути и не совпадали. Но неожиданный отклик этих бесед 1913 года я пережил теперь, когда посетил его в 1959 г. на той улице, где жил когда-то Виндельбанд. Николай Николаевич был уже очень стар, ему было 79 лет. И это чувствовалось и в его длительном молчании и в потухающем взоре. Но когда я заговорил о своих работах в области критики понятия, о попытках применить гносеологию Бергсона к проблемам экклезиологии, о связи Бергсона с Кантом (при видимом их противоречии, у Канта — критика суждения, у Бергсона — критика понятия) Н. Н. вдруг оживился, загорелся и сказал несколько слов, в которых я почувствовал все наши разговоры, все искания, всю проблематику нашей молодости. В эту минуту к двум старикам «быстрой поступью мгновений вновь былое подошло»... (Брюсов).

В 1913 году Н. Н. был философом кантианцем — учеником Виндельбанда. Но Виндельбанд учил нас: «понимать Канта, значит выйти за его пределы». И Н. Н. блестяще исполнил эту задачу. Сначала он занимался немецкой философией (его любимым философом был Ницше, мраморный бюст коего стоял в его рабочем кабинете; и ранняя книга его посвящена натурфилософии Ницше и доктрине переоценки ценностей). Но затем его потянуло вдаль и ввысь: в просторы русской мысли, на высоты православных мирозерцаний. И здесь он поставил себе трудную задачу знакомить немецкое общество с сокровищами русской мысли. В 1925 году, вместе с большим другом православия, профессором Г. Эренбергом*) он издает двухтомный сборник «Восточное Христианство — документы» (в настоящее время эта книга — библиографическая редкость). Первый том «Политика» содержит переводные отрывки из писаний Чаадаева, Аксакова, Хомякова, Леонтьева, Вл. Соловьева. Вторым том «Философия» посвящен Хомякову, Флоренскому, Булгакову, Бердяеву, Карсавину. Примечания и прекрасные комментарии делают этот труд классическим введением в историю русской мысли. В 1956 г., уже после смерти Эренберга, Н. Н. издал как бы третий том этого сборника (озаглавленный «Русские мыслители»), посвященный Леонтьеву, Розанову, Несмелову, кн. Е. Трубецкому, Шестову. Н. Н.-чу во время составления этой книги было 75 лет; и я думаю, что не совершу нескромности, если скажу, что в этой трудной работе неизменной помощницей ему была его супруга. Книга эта естественно надписана его именем, но обязаны мы ее появлению чете Бубновых...

Но, помимо этого, Н. Н. издал целый ряд книг, посвященных русской праведности, русской религиозной философии, культуре и истории в современной русской мысли и т. п. Закреплением и венцом всей этой работы было основание в 1922 г. при Гейдельбергском Университете Славянского Института, над созданием которого Н. Н. много потрудился и директором которого он состоял до самой своей отставки (по возрасту).

Н. Н. начал свою работу по ознакомлению немецкого общества с русской мыслью в то время, когда Запад Россией не интересовался и пребывал в наивном преклонении перед собственным величием. Это тре-

*) Интересный обмен мыслей о взаимоотношениях Православия и Протестантизма между ним и о. С. Булгаковым читатель найдет в № 5 «Пути» (1926 г.).

бовало от Н. Н. не только большого труда и знаний, но и немалого мужества. И в этом отношении он является предтечей той огромной работы, которая имеет место в современной науке и благодаря которой известная «аксиома» Киплинга, о том, что «Восток остается Востоком, а Запад остается Западом, и никогда они не встретятся», является в настоящее время изжитым и односторонним предрассудком.

В немецком некрологе Н. Н. эта мысль выражена одним многозначительным словом: в нем Н. Н. назван «Mittler zwischen West und Ost» (посредником между Западом и Востоком). И за это ему должны быть благодарны и Восток и Запад.

Л. Зандер

Памяти Ирины Нехорошевой-Лосской

1-го марта 1963 г. скончалась в Калифорнии, от последствий автомобильной катастрофы, Ирина Нехорошева-Лосская.

Тот, кто в Движенской работе встречался с ней, знает каким прямым и ценным человеком была Ирина. Ее определенный, скорее резкий облик с мужскими манерами и умом скрывали доброе и отзывчивое сердце.

Без лишней сентиментальности и рассуждений она приходила на помощь в нужный момент, находила это совсем нормальным и никогда об этом не говорила. Не будем и мы из-за уважения к ее личности останавливаться на этой стороне ее внутренней жизни.

Ирина Лосская родилась в 1916 году в Петрограде и вскоре после ее рождения ее семья переехала жить в Финляндию, где оставалась до 1926 г., затем переселилась во Францию. Здесь она училась в Cours Florent, затем в Collège Ste Marie de Neuilly и в Lycée Molière. Будучи исключительно способной и умной от природы она очень полюбила французскую культуру и блестяще окончила лицей, сдав в 1934 г. бакалавр с отличием.

Через Движение-же она сохранила контакт с русской молодежью и проработала несколько лет руководительницей в лагерях девичьей дружины Р.С.Х.Д.

Первый раз мы встретились с ней в лагере Soulas, в 1930 г. Позже мы вновь встретились в кружке на 10, boulevard Montparnasse (дом Движения в ту эпоху), вместе играли в волей-болл и приходили на праздники дружины, говели на Пасху и ездили на съезды Движения в Les Mesnuls, около Montfort'a. Когда подросли мы обе были руководительницами в лагерях. ~~Она~~ исключительно хорошо заниматься с детьми среднего возраста. В спортивных играх она всегда была образцовым примером, хорошо плавала, ныряла, играла в совершенстве в волей-болл, чем и импонировала молодежи. В 1935 г. для изучения английского языка она провела год в английском колледже. В 1936 г. скончался ее отец и ей надо было быстро решить выбрать то, чем она смогла бы скорее зарабатывать насущный хлеб. В 1936 г. она приняла французское подданство и поступила в Ecole Pratique de Service Social, где пробыла до 1938 г. Эта работа не только нравилась ей, но и открывала ей привлека-

тельность медицинского служения. Ей надо было работать, чтобы помочь семье, пока ее брат и сестра не стали на ноги. Она проработала как *assistante sociale* с 1938 по 1942 г. Среди ее французских друзей нашлась у нее подруга по лицу, которая, сама поступивши на медицинский факультет уговаривала Ирину сделать то же самое. Всякий знает, как трудно было на это решиться в эмигрантской среде. Перспектива долгого и дорогого учения страшили ее. Продолжая работать, она сдала экзамен Р.С. и поступила на медицинский факультет в 1940 г. В год войны (1939-40) она приехала в Рау, где в это время находился центр эвакуированных детей, которыми заведовала А. С. Четверикова. Здесь она опять помогала по мере возможности, устраивала экскурсии в горы. Вернулась она в Париж по окончании войны с первой возвращающейся группой. Много позже узнали мы, что она участвовала в *Résistance* и получила в 1946 г. *Croix de la Résistance*. Об этом она никогда нам не говорила.

В 1945 г. Ирина поступила «au pair» в *Centre des Jeunes Mères* и подружилась с директрисой этого центра, высоко ее оценившей. До самой своей смерти она оставалась с ней в тесной дружбе и уже приезжая после своего замужества во Францию, ежегодно оставалась со всей семьей у нее.

Медицинский факультет Ирина кончила в 1949 г. и сдала докторскую тезу в том же году. Отвечая на предложение своей приятельницы медички, она поступила работать с ней в *Laboratoire d'électroencéphalographie* при госпитале *Enfants Malades*. Ей удалось получить стипендию *C.N.R.S.* (Государственный Центр Научных Изысканий) в 1950 г. и этим самым иметь возможность продвигаться все дальше и дальше на медицинском поприще, ставя себе все новые и новые задачи, и этим самым увеличивать свою квалификацию и возможности служения людям. Она один за другим получила новые дипломы: *Médecine du Travail* (1950 г.), *Pédiatrie* (1952 г.), *Electroradiologie* (1956 г.). Каждый год она участвовала на конгрессах специалистов по *électroencéphalographie*.

В 1956 г. она вышла замуж за русского, американского подданного. С мужем своим Андреем Лосским она основала семью, в которой высокое образование их обоих сочеталось с верою и преданностью православной Церкви, чему так радовался венчавший их о. Василий Зеньковский. Будучи любящей и заботливой матерью своих двух детей, она все же не оставила своей медицинской работы: каждое лето, приезжая во Францию она работала в госпитале «*Enfants Malades*» и посещала медицинские конгрессы.

Первое время ее жизни в Америке, она тосковала по медицинской работе, на которую, как француженка, не имела права, но в этом году она получила назначение в открывшуюся лабораторию по *électroradiologie* при госпитале *U.C.L.A.*, получив помощников и кредиты. Кажется, лучшего трудно было желать.

Неожиданно для нас и непонятно прекратилась ее земная жизнь, в которой она могла бы много полезного совершить. Покойный о. Василий Зеньковский, бывший ее духовным отцом, очень любил и ценил Ирину.

О. Икскуль

БИБЛИОГРАФИЯ

Слова и поучения блаженной памяти митрополита Владимира. Париж, 1961.

Оценить книгу в Бозе почившего Митрополита Владимира можно будучи очень глубоко укорененным в жизни Церкви или находясь на пути к этому. Слова Владыки — это сполна слова церковные. Для него все, что в Церкви и, в особенности, в храме — подлинная реальность, жизнь. В его словах поражает, прежде всего, **сознание** постоянного, живого присутствия всего спасительного Промышления Божия о нас, всего того, о чем засвидетельствовано в книгах Ветхого и Нового Завета, в течение всего «времени Церкви» и всего того, что ожидает нас согласно пророчествам во времена апокалиптических свершений.

Действительно, нередко даже в одной и той же проповеди сопоставлены свидетельства священного Писания, случаи из жизни святых, поучения отцов, богослужебные тексты, события текущей жизни и ожидаемые в конце времени. Несмотря на эту насыщенность цитатами из священных книг, собственный язык проповедника свободен от искусственных, торжественных славянизмов, язык этот прост, прозрачен. Неизменно обращаясь к слушателям не от себя, всецело являясь рупором Церкви, проповедник, тем не менее, всюду являет свое духовное лицо и ни на минуту нельзя сомневаться, что все сказанное им, глубоко им пережито, прошло через его сердце.

Как на пример всего сказанного здесь можно указать на проповедь о Преображении Господнем. В них указаны ветхозаветные прообразы и пророчества, события Нового Завета, в которых как и на горе Фаворе явно проявлялась Троичность Бога. В этих проповедях выявлено тщательное богословское внимание ко всем подробностям самого события Преображения и к связанным с ним богослужебным текстам. Ничего не упущено. Вся эта сложная fuga богословских тем увенчивается мыслью о преображении всего мира, которое может и должно начинаться сперва в человеческой душе. При всем этом не забыто и дивное преобразование преп. Серафима во время его, ставшей теперь известной почти всему миру, беседы с Н. Мотовиловым. Столь богословски насыщенных слов в сборнике очень много и трудно дать предпочтение одному из них перед другим. В большинстве случаев слова митрополита естественным образом заканчиваются призывом к работе над собой, к самовниманию, к борьбе со страстями, к отсечению помыслов, к молитве... Здесь в особенности чувствуется, что все это сказано от большого аскетического и молитвенного опыта.

В заключение нельзя не повторить того, о чем пишет в предпосланной сборнику статье о. Иоанн Мейендорф, а именно, что духовный опыт почившего Владыки, да и вся его жизнь были определены его литургическим предстоянием у престола Божия и теми потоками благодати, которые несомненно на него изливались. В этом отношении духовная судьба Владыки схожа с путем о. Иоанна Кронштадтского.

Эта основная сторона его жизни отражается, конечно, в его проповедях. «В храме стояще Славы Твоя, на небеси стояти мню».

Сборник Слов митрополита Владимира, вероятно, станет укрепляющим и просвещающим душу чтением для многих людей и надо быть благодарным тем, кто трудились над его изданием и сопровождали проповеди Владыки прекрасным биографическим очерком и статьей.

Прот. А. Семенов-Тянь-Шанский

Если бы у нас, церковных деятелей, имелся досуг, следовало бы завести у себя, в нашей среде, определенных обозревателей инославной литературы. Наши ученые богословы, очень обремененные побочными занятиями, едва успевают следить за литературой, касающейся их специальности, а другие церковные деятели иногда только успевают обратить свое, потом и чужое внимание на книги, получившие уже широкую известность. Хорошо, если можно сделать и это. Здесь важно попытаться предотвратить вред, который такие книги иногда могут принести, или же указать, что бывает чаще, на их полезность.

Православных книг издается теперь мало, поэтому нельзя не пользоваться ценной инославной книгой. Выявление всего ценного в инославном мире способствует верным образом также и сближению христиан разных исповеданий.

В последнее время получили широкое распространение книги католического священника, бельгийца, Louis Evelyn. Рецензируемая здесь его (кажется, последняя) книга, переведена на 7 европейских языков и выдержала несколько изданий.

Книгу эту трудно назвать иначе, как прекрасной и, если не считать нескольких отрывков, касающихся римского догмата о непорочном зачатии Божией Матери, нужно признать книгу вполне отвечающей православному сознанию и нельзя не рекомендовать ее православному читателю.

Не будучи научным богословским трудом, эта книга, все же, необычайно насыщена богословским содержанием и является скорее всего особого рода проповедью или исповеданием веры. Для характеристики книги, может-быть, лучше всего привести некоторые слова о. Конгара, из его предисловия к ней: «Отец Evelyn имеет дар открывать нам глаза на всю значительность духовных и человеческих истин, что мы считали вполне нам известными, но которые, благодаря ему, мы видим в новом свете... Говорить о таких книгах трудно, ведь это то же самое, что представить читателю поэта — тогда как ведь только сами поэты могут показать себя. Но книга Evelyn не похожа на поэзию, в том смысле, что он не ищет никакого красивого подбора слов, а тем менее это моралистическая риторика, несмотря на сокрытый в ней, напряженный призыв внимать Христу. В этом призыве, в сущности, все дело, потому что главная цель автора показать, что Христос посреди нас, что Он Первый как бы нуждается в нас и постоянно нас призывает».

Книгу следовало бы перевести на русский язык. Приводить отдельные цитаты, значит обеднить ценность книги... И, тем не менее, соблазн сделать это слишком велик. Уступая ему, приводим, почти наугад, некоторые речения.

«Бог есть всегда Бог откровения, так как Он — любовь. Это радость для Бога — открывать себя. Бог есть любовь, следовательно, он есть общение, поведение, признание, слово. Для него радость вверяться отдаваться другим».

«Про Бога хорошо, правильно говорит только Сам Бог и услышать Его может только Бог. «Никто не знает Отца, кроме Сына». Надо стать Богом, чтобы познать Бога. Надо сделаться Его сыном, в Его Сыне Единородном, чтобы услышать голос Отца».

«Нет возможности познать Бога и остаться самим собою... Бог не открывается нам в нашем состоянии, эгоизме, самомнении, гордости».

«То, что повествуется в Евангелии происходит и сейчас. Евангелие повествует о моей жизни; как Бог меня любит и как я обращаюсь с Ним, как я Его поношу».

«Когда Бог открывается человеку, человек познает сразу, кто такой Бог и кто такой он сам. «Выйди от меня, я человек грешный», восклицает Петр. Нет Богооткровения без откровения о человеке».

«Страсти Господни начинаются вновь каждый день. Для этого каждый год мобилизуются новые актеры, все для тех же ролей... особенно же фигурируют те, которые не мешают другим делать их страшное дело, и те, без которых это страшное все же никогда не случилось бы».

«Бог хочет, чтобы мы себе ничего не оставили, но потому, что Он хочет нам дать все».

«Бог — это дар. Радость Отца — давать. Радость Сына принять и вернуть... «Отче, все, что Мое — Твое. И все, что Твое — Мое. Нищий духом входит в этот обмен жизни, а богач (духом) его останавливает».

«Отцовство и материнство есть во всякой истинной любви. Любить, это значит призывать к жизни и возвращать».

«Бог никогда никому не навязывается. Бог любит и ждет ответа».

«Никто не увидит Бога и никто не встретит Христа без постоянного желания увидеть Его».

«Не мы отдаемся Богу, Бог нам отдается. Все, что Он просит от нас — это принять Его».

«Бог, это не тот, кто получает и не тот, кто берет. Он Тот, кто дает и прощает, Он Тот, для восхваления Коего за Его благодеяния не хватит вечности».

«Нет смысла верить, что Бог любит других, если я не верю, что Он любит меня. Только поверив в это, я пойму, как это чудесно, что Он любит других. Когда я познаю, что Он любит такое невыносимое существо, как я сам, я пойму всю невероятную, неправдоподобную Его любовь ко всем».

«Что же Бог любит в нас? Он любит тех, кому может больше дать, тех, кто более открыт для него».

«Заповедь Христова не просто «Любите друг друга», но «Любите друг друга, как Я возлюбил вас».

«Во время отпущения грехов Господь говорит нам только одно... Что Он нас любит, что Он хотел нас простить и что, прощая нас, Он более счастлив, чем мы, когда Он нас прощает».

«Быть христианином — это чувствовать себя не на месте, когда грешить и чувствовать себя не на месте, когда ведешь себя хорошо. «Сыну человеческому негде голову преклонить». Истинный христианин всегда чувствует себя лицемером».

«Нет худшей лжи, как отождествлять себя (или другого) со своим (или с его) действием. Это — ложь в отношении зла, так и добра. Мы совсем не то, что наши действия: гораздо хуже, чем наши добрые дела и лучше, чем наши грехи».

«Мы узнаем, что Бог нас простил, когда, после исповеди мы, как Левий, почувствуем, что мы оставили все (может-быть почти того не сознавая). «Оставив все, он последовал за Ним».

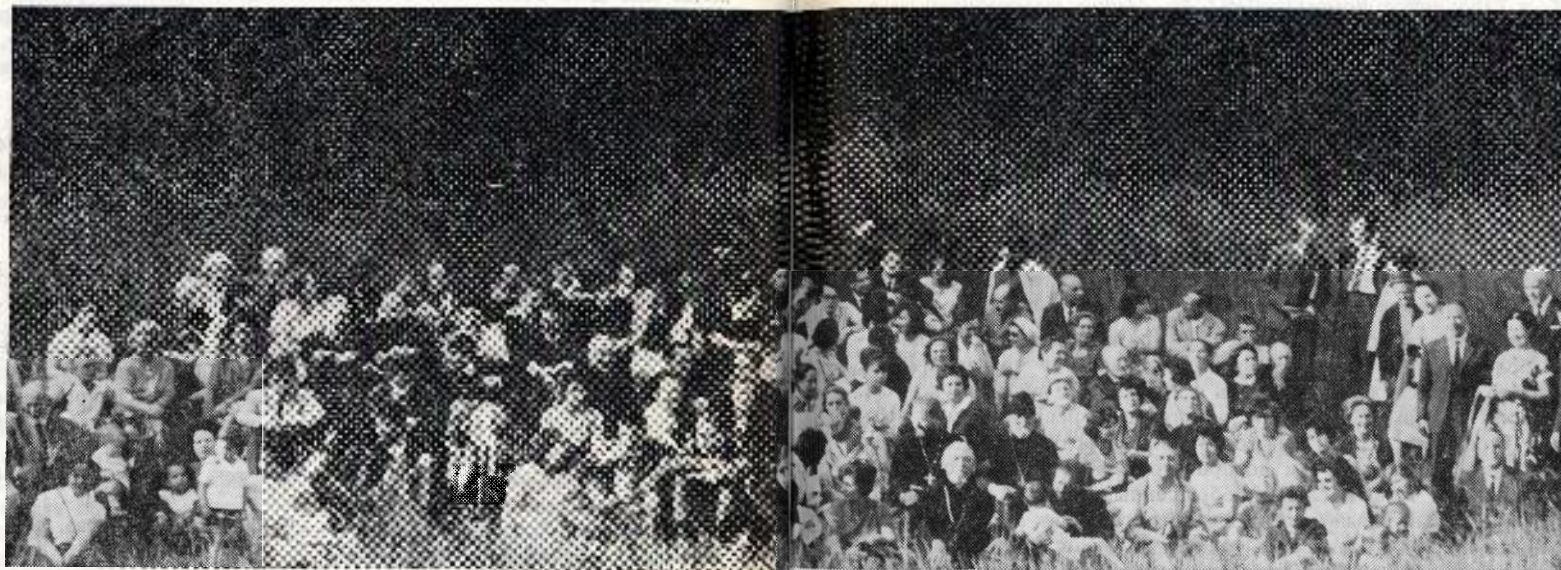
Прот. А. Семенов-Тянь-Шанский.

ХРОНИКА

Съезд Р.С.Х.Д. во Франции

1-2-3 июня 1963 г.

Первый съезд Р.С.Х.Д., после второй мировой войны, состоялся весной 1945 г., когда Движение, после вынужденного войной перерыва, возобновило свою прежнюю традицию устройства своих годовичных съездов. И вот уже 19 лет как Движение устраивает весной и осенью съезды для молодежи, для членов и друзей Р.С.Х.Д. Настоящий весенний съезд был 37 съездом, организованным Р.С.Х.Д. после войны.

Участники Съезда Р.С.Х.Д. на докладе о. Алексея Князева

Особую роль и значение съезды имеют для тех, кто включается в его работу, кто становится активным его участником, кто приезжает на съезд не на несколько часов, а стремится пробыть все три дня, присутствовать на всех богослужениях, прослушать все доклады, познакомиться со всеми участниками, ибо на съезд приезжают обычно не только из Франции, но и из Англии, Германии, Швейцарии и даже из Америки. Так, например, в этом году приехали на съезд из Америки о. А. Киселев и его матушка, которые ведут там большую и ценную работу с детьми и молодежью. К тому же устроители съезда, составляя его программу, стремятся объединить все доклады вокруг одной темы, поэтому естественно, что те, кто попадают лишь частично на съезд, лишают себя целостного восприятия всей работы.

Приходится пожалеть, что мы слишком легко находим себе извинения, чтобы освободить себя от исполнения того, чего требует от нас сознательное и ответственное отношение к нашей церковной работе. Так, например, в нашей литургической жизни давно мы уже привыкли к тому, что каждый из нас приходит на литургию тогда когда ему удобно, совершенно забывая, что на литургию мы должны приходить к самому ее началу и оставаться на ней до конца.

Отрадно, что на съезд приехали 2 епископа (епископ Мефодий и румынский епископ Феофил) и 18 священников, несмотря на то, что все они, в силу того, что праздник Св. Троицы совпадал, должны были совершать богослужения у себя в приходах не только в воскресенье, но и в субботу и в понедельник.

Съезд был посвящен теме: грех и спасение. Н. А. Куломзин в своем вступительном докладе раскрыл учение Церкви о Св. Духе, по преимуществу анализируя тексты Свящ. Писания. К. А. Ельчанинов, в своем содержательном докладе, посвященном теме греха, в первую очередь показал, что у современного человека (даже у верующих) притупляется сознание греха. Затем он показал различие, существующее между злом и грехом, и в заключительной части своего сообщения обратил внимание на то, что если верующие еще сознают свои личные грехи, то совсем не чувствуют своих грехов против Церкви, оставаясь равнодушными к благу Церкви, к всестороннему развитию всех областей церковной работы и уклоняясь от соборного делания в Церкви. **Monsieur O. Clément**, в своем докладе, посвященном оценке современного мира, его идейных тече-

ний, своей верой, своим христианским горением помог каждому участнику съезда не только осознать безвыходные тупики современного внехристианского мира, но подвигнул и нас к осознанию наших христианских задач и нашей ответственности в деле утверждения Христовых ценностей именно в современном мире.

О. А. Князев в своем докладе «О Спасении» прежде всего показал бессилие закона в деле спасения человека и раскрыл все спасительное значение пришествия Христа на землю, Его искупительного подвига любви и страданий за нас и всех благодатных даров, ниспосланных Церкви для спасения человечества в день Св. Пятидесятницы.

В понедельник утром Никита А. Струве прочел замечательный доклад, в котором он прежде всего глубоко, ярко и метко определил «соборность» Церкви (единство — при сохранении многообразия), при чем указал, что соборность в Церкви не есть данность, а заданность и настаивал, что Православные Движения Молодежи должны стремиться к тому, чтобы воплотить принцип соборности во всех областях церковной жизни, ибо только на этом пути правда о Церкви будет исполнена и все живые, творческие силы христианского мира найдут свое приложение и своим способностям в жизни Церкви.

В заключительном докладе еп. Мефодий рассказал о героическом и славном подвиге всего христианского монашества, об его роли и значении в истории Церкви, а монах из Тезе, о. Андрей, с удивительной простотой рассказал о возрождении современного монашества в протестантском мире, который на протяжении многих веков начисто отвергал и самую возможность этого пути в христианстве.

Ценно было, что на богослужениях две трети молящихся была молодежь, что большинство из них приступили к таинству покаяния и Св. Причастию, и что сами службы правились с предельной любовью ко всем литургическим их текстам. Священник, регент хора, певчий, чтец — каждый из них стремился, чтобы каждое слово богослужения дошло до сознания молящегося, было бы им воспринято с подобающим смыслом, поистине являлось бы живым словом, обращенным от всей Церкви молящихся к Богу. Талантливый регент церковного хора М. Фортунатто своей исключительной любовью к церковным службам помогал и молодежи обрести подлинную любовь к богослужениям, и в этом его большая заслуга.

На съезде перебивало 260 человек, приходится только пожалеть о том, что на съезде не побывали те, кому съезд мог бы показать, что именно в Церкви надо искать решения сложным проблемам жизни, что только христианство отвечает на самые трудные вопросы, которые ставит жизнь современного мира. Все докладчики именно и стремились показать, что христианство есть подлинная и единственная сила, которая является для всякого человека путем, истиной и жизнью.

И. Морозов

ЮНОШЕСКИЙ ОТДЕЛ Р.С.Х.Д.

Лагерь

Каждое почти время года имеет свой лагерь: десятидневный зимний и весенний и шестинедельный летний, нехватает только осеннего, он был задуман, но, откровенно говоря, у организаторов нехватило сил, чтобы его поднять. Зимний лагерь 1962-63 года в Шатель в Савое (на высоте 1.200 метров) прошел хорошо. В этом лагере, из-за необычного холода, лыжники чаще чем обычно сидели в доме, слушали музыку, играли в шахматы по всем углам, пели; малыши часами подряд клеили, рисовали, лепили и играли. По вечерам, с большим вниманием и интересом слушали доклады или рассказы Юрия Игоревича Демидова о Втором Ватиканском соборе, об Отечественной войне 1812 г. Удивительно было видеть какого-нибудь принципиально анти-интеллектуально настроенного мальчишку, что ему до Ватиканского собора!, слушающего с интересом, как Юрий Игоревич красочно описывал идеологические столкновения между кардиналами Оттавьяни и Фелетен. По вечерам пели, а перед сном молились, читая молитвы то по-славянски, то по-французски. По утрам обычно руководители во время молитвы проповеди вали на евангельскую тему.

Издания Юношеского Отдела Р.С.Х.Д.

Мы продолжаем издавать наши два журнала: «Jeunesse Orthodoxe» и «Молодую Смену». «J. O.» вступил в 6-ой год своего существования, вначале он издавался в размере 100 экземпляров, сейчас же издаем 500 экз., причем все номера расходятся и, надеемся, читаются. Повидимому журнал этот отвечает какой-то потребности среди православной молодежи, так как молодежь сама в нем пишет и в кружках и на собраниях обсуждает поднятые в журнале темы. 21-ый номер будет полностью издан усилиями молодежи, без помощи со стороны взрослых.

Редакционная комиссия «Молодой Смены» состоит целиком из молодежи студенческого возраста. «Молодой Смене» труднее завоевать свое место и значение, как это удалось «J. O.», — мешает язык, круг читателей уже, мешает также партикуляризм юношеских организаций, издающих свои журналы, где фактически поднимаются те же темы: «кто мы, русские или французы?», как мы относимся или как должны относиться к современной России?». Может быть настанет время, когда общими усилиями всех русских юношеских организаций можно будет издавать один, интересный и живой юношеский журнал...

Работа с лицеистами старшего возраста

«Как молодежь офранцузилась, какой она стала некультурной» раздаются нередко голоса со стороны старшего поколения. Да, действительно, многие офранцузились, многие не читают русской литературы в подлиннике, не спорят о поэзии Блока и только по наслышке знают о Хомякове, И. Киреевском, В. Соловьеве. Это грустно. Молодежь 15-18 лет

часто не разбираются во всех тонкостях русской культуры, но у нее определенно есть интерес, тяготение и у многих подлинная любовь к России. Как это проявляется? — в спорах о современной России, в желании понять русских людей, живущих сейчас в Сов. Союзе, в громадном интересе к творчеству Достоевского, ко всей современной поэзии, к театру. Редко кто к 16-17 годам не ставит себе вопроса о своем отношении к России. Ценно, что почти у всех есть свои идеи, т. е. интерес.

Религиозные темы в каком-то смысле проще. Проще в том смысле, что на религиозные темы есть ответы в церковной жизни, в то время, как любовь к России остается в самом основном неудовлетворенной, так как в этом возрасте особенно любовь хочет выразиться в конкретном служении, поэтому и понятно увлечение молодежи политической и революционной активностью. Как протекает работа так называемой «группы старших»? Конечно, работа в кружках, встречи, споры на религиозные, моральные, обще-культурные темы. В этом году собирались часто, даже слишком часто, встречи предваряются и заканчиваются прогулками до полночи и за полночь. Все это понятно, но не всегда это нравится родителям. Но родители не должны забывать, что в этом возрасте нормально погулять, весь вопрос только в том, в какой компании, в какой среде протекает свободное от занятий время. Всем очевидно, что наша «движенская» среда в духовном и моральном смысле более здоровая, чем среда школы. Сейчас в группе старших регулярно принимает участие около 30-40 человек, а приезжают на съезды, в лагерь около 80 человек. Ценно, что в этом году многие регулярно стали ходить на литургию и многие часто причащаются. В апреле состоялся съезд на тему: «Христианами не рождаются, а становятся». Ценно то, что они сами с большой любовью относятся к своей работе, привлекают новых членов, вырабатывают программу работы, ведут собрания.

Работа с детьми

Это самая трудная форма работы Дружины Р.С.Х.Д., так как нужны очень квалифицированные руководители, которые могли-бы проявить много усердия, доброй воли и терпения для того, чтобы «проводить сборы», т. е. воскресные собрания от 3 до 6 часов с детьми (от 7 до 15 лет). Сборы эти проходят в этом году неровно, иногда собирается много детей, иногда же почти никого. Гораздо удачнее проходят такие начинания как Елка (собралось 150 детей), лагеря, праздники, походы, выезды. Многие семьи приобретают машины, домики в деревне, не говоря уже о том, что многие родители хотят проводить воскресенье со своими детьми, что более чем естественно. Надо повидимому искать новых форм зимней работы. Такие начинания, как двухдневные выезды всегда проходят очень удачно. В начале февраля, несмотря на сильный мороз, очень многие приняли участие в двухдневном выезде, что указывает, что может быть этому и надо следовать в нашей зимней работе.

К. А. Ельчанинов

КРУЖОК «ВСТРЕЧИ-ОБСУЖДЕНИЯ»

Кружок «Встречи-Обсуждения» собирался регулярно, но, к сожалению, не достаточно часто (виной тому перегруженность нашей парижской жизни). Зато встречи были дружные и живые, всего их было 4. Темы — самые разные: о страдании невинных, об эвтаназии, о монашестве, о происхождении мира и человека. Каждую тему готовил один из членов кружка, по очереди. Особенно живой интерес вызвал вопрос об эвтаназии, в связи с процессом в Льеже. (Бельгия).

Главная цель кружка — встречаться в дружеской, непринужденной обстановке, чтобы поговорить по душам о «проклятых вопросах» — была достигнута. Ждем новых друзей, чтобы расширить наш «кружок».

Е. Аристова

БИБЛЕЙСКИЙ КРУЖОК

В 1962-63 г. библейский кружок продолжал изучение истории апостольского века. Было прочитано несколько докладов на отдельные события этой истории, главным образом по книге Деяний. Первохристианская община является образцом жизни Церкви во все века. Теперь, как и всегда, изучение этой истории полно значения для христианина. Мы надеемся в будущем году посвятить этому изучению еще больше внимания.

Два раза библейский кружок устроил встречи с участниками других кружков.

Н. К.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРУЖОК

В своей работе Движение всегда немалое место уделяло изучению русской литературы, а в последние годы, благодаря тому, что русский язык и русскую культуру начали усиленно изучать на Западе, то работа эта приобрела особое значение. Движение ставит себе задачей помочь молодежи всесторонне разобраться в проблемах, поставленных русскими писателями, поэтому стремится привлекать к этой работе профессоров, докладчиков, которые являются большими специалистами в этой области.

В настоящем году были прочитаны доклады на следующие темы: «Значение русских балетов Дягилева в России и за границей» (1909-1929) — С. М. Лифарь; «Театр Н. В. Гоголя» — Ю. П. Анненков; «Христианин ли князь Мышкин?» — проф. Л. А. Зандер. Доклад Л. А. Зандера вызвал оживленный спор, в результате чего члены кружка организовали на ту же тему диспут, в котором со словом выступили А. Жабченко, И. В. Морозов и Н. А. Струве. «И. Е. Репин» — Н. Я. Лидарцева; «Мастерство русской прозы» — проф. В. В. Вейдле; «Встречи и сотрудничество с А. Блоком» — Ю. П. Анненков; «Державин» — проф. В. В. Вейдле; «А. Ахматова» — проф. В. В. Вейдле. На собраниях принимало участие от 20 до 60 человек.

И. М.

КРУЖОК ПОМОЩИ

Дорогие Участники Кружка Помощи!

Никогда еще участники кружка столь щедро ни откликались, как в этом году, на Рождество и на Пасху: на Рождество в кассе кружка оказалось 1.138,29 фр., а на Пасху 1.332,67 фр. (всего 2.270,96 фр.). Такое обилие денег позволило снова составить очень хорошие посылки для одиноких престарелых, проживающих в Париже. Всего было передано 26 посылок на Рождество и 33 на Пасху (стоимость каждой посылки приблизительно 30 фр.). Кроме посылок с съестными продуктами было роздано 525 фр. десяти нуждающимся, было отправлено 55 книг (учебники, словари) русским детям, находящимся (еще) в бывшем лагере Д. П. в Германии, и переданы маленькие подарки при посещении госпиталей или приютов. Из Швеции одна русская дама регулярно нам присылает ящики с очень хорошей одеждой, которую мы предоставляем желающим.

Больше всех отзываются на призывы кружка давнишние члены Движения, работающие в либеральных профессиях и тем самым могущие вносить существенный вклад. Более 40 человек регулярно пополняют на праздниках кассу кружка. Готовятся посылки в доме Движения, развозятся на автомобилях или разносятся более юными участниками кружка. Очень ценно, что, по мере возможности, Движенцы **сами** разносят посылки и тем самым все дело оживляется «человеческим моментом» — посылки не посылаются безлично по почте, а передаются от человека к человеку.

Удивляешься, когда читаешь благодарственные письма; за нашу каплю помощи, так люди благодарны: «Эта посылка, кроме продуктов, принесла мне радость, что для меня, одинокого, есть событие; еще не совсем забыли в жизни...» (2.II.1963 г.).

Удача кружка показывает на жизненность Движения, способного объединить свои отдельные силы на общее дело помощи ближнему.

К. Куломзина

"Иванов" - в постановке театральной группы Р.С.Х.Д.

Те, кто присутствовали на представлении 19 мая в зале мериин Issy-les-Moulineaux драмы А. П. Чехова «Иванов» в постановке театральной группы Р.С.Х.Д., получили двойное удовлетворение: как от самого представления, так и от сознания, что в театральном деле, как впрочем и во многом другом, Русское Студенческое Христианское Движение не стоит на месте, довольствуясь ранее достигнутым уровнем, но несомненно прогрессирует и совершенствует свою работу.

Благодаря тому, что уже давно развитие театрального дела в лоне Р.С.Х.Д. взял в свои талантливые и опытные руки В. П. Субботин, представления группы молодых артистов Р.С.Х.Д. как по вкусу, с каким выбирается репертуар, так и по их организации и выполнению не оставляют желать ничего лучшего.

Прежде всего следует подчеркнуть естественность, «археологичность» и вообще высокое качество декораций. Ни «кляквы», ни преувеличений не было, все строго художественно и на своем месте. Постанов-

ка драмы «Иванова» поражает строгостью и выдержанностью стиля, что несомненно прививает и утверждает хороший вкус у театральной молодежи. А без хорошего вкуса, особенно в ансамбле, нет и искусства. Лучше стерпится некоторая серединность талантов, чем погрешности во вкусе. Однако и в талантах недостатка не было, хотя кое-кому из молодежи надо еще много поработать. Впрочем работать надо всю жизнь: век живи, век учишься и хорош только тот артист или ученый, который всю жизнь чувствует себя учеником. Так, например, И. В. Морозов, который хотя уже играет сравнительно давно, но в «Иванове», исполняя роль П. К. Лебедева, показал большие достижения, представив живой образ сильно потрепанного жизнью, пьяненького, опустившегося, но смятого добротой, земского деятеля. На высоком уровне И. В. Морозов провел всю свою роль П. К. Лебедева, изменив до неузнаваемости, очень кстати и в соответствии со своей ролью свой природный голос, и, благодаря отличной дикции, ни одно слово, ни одно переживание Лебедева не ускользнуло от зрителя. То же самое следует сказать и о Т. И. Пружан (Шурочка, дочь Лебедевых), и о Д. Н. Сорокине, отлично прошедшего трудную и ответственную роль «честного» земского врача Львова, вступившего в единоборство с разбитым жизнью и совершенно уже сломленным Н. А. Ивановым), совершив таким образом большое преступление, в сущности являясь виновником смерти последнего. Этот молодой земский врач, несмотря на свою чрезмерную принципиальность и серьезность ходячей моральной прописки, все же содержит в себе значительную долю петушиного начала и петушиного наскока, что делает его почти смешным, и в этом «почти» вся суть этой роли. И молодой артист Д. Н. Сорокин вполне справился с этим трудным «почти».

Исполнитель заглавной роли С. А. Ребиндер был бы хорош, ибо в нем чувствуются несомненные задатки хорошего исполнителя, но он еще слишком молод и не накопил того горестного опыта жизни с ее разочарованиями и терниями, что так необходимо для исполнения подобного рода чисто Чеховских ролей. Следует ему также, как нам кажется, поработать над дикцией с ее нюансами. Их мало у молодого артиста. Однако благодаря стараниям В. П. Субботина, С. А. Ребиндер шел в паре с А. Г. Жабченко, превосходно исполнившей роль чахоточной А. П. Ивановой (урожденной Абрамсон). Жуткая и тяжелая финальная сцена третьего действия удалась, в которой раздражительный и взволнованный призраком невозможного счастья с влюбленной в него Шурочкой, но сам любить уже неспособный, Иванов делается палачом своей несчастной и продолжающей его любить жены. Тоже самое следует сказать о полукوميческих персонажах, типично Чеховских, как, например, граф Шабельский (в прекрасном исполнении И. Г. Бутакова) и Бабакина (в исполнении Е. И. Катковой). Удалась С. Г. Серикову роль Боркина — ничтожного, дрянного и хитрого человечка, из категории тех лиц, кто в конце замучил бедного Н. А. Иванова. Н. В. Анненская представила яркий образ злой и скупой Зинаиды Савишны Лебедевой.

М. А. Соллогуб, в комической роли Косых, великолепный Шушкевич, в роли молодого человека в гостях у Лебедевых, Е. Ю. Сорокина, С. М. Радищева, М. С. Черткова, Г. В. Шувалова, М. П. Чеснаков, А. Р. Гофман, В. Р. Гофман и О. Н. Лавров в красочной роли Гаврилы — все

Театральная группа Р.С.Х.Д. и ее друзья.

были на своем месте, и, независимо от скромности своих ролей, отлично держали себя на сцене, что тоже есть немалое искусство.

Следует подчеркнуть созданную всем ансамблем артистов атмосферу нарастающей катастрофы к моменту финала четвертого действия. У всех, в том числе и у Шурочки (Г. Пружан), словно в страшном, роковом кошмаре отнялись руки и ноги с полной невозможностью сопротивления року, который выступил в лице последнего наскока злого, неумного, бесчувственного доктора Львова (Д. Н. Сорокин). Свободу действий сохраняет только сам Н. А. Иванов (С. А. Ребиндер) — и это для того, чтобы самовольно покончить с жизнью, что ему при сложившихся обстоятельствах, плотно завязавших узел на его шее, только и оставалось сделать.

Погружение сцены в тьму в момент рокового выстрела надо признать весьма удачным символическим эффектом. С. А. Ребиндеру вся эта сцена удалась, так же, как и финальное — «Не свадьба, а парламент».

Соедшисие в большом числе зрители (огромная зала на 1200 мест была полна) провели незабываемые часы. Отраднo, что Р.С.Х.Д. собралo на свой спектакль больше тысячи человек. В. П. Субботин и его участники театральной группы Р.С.Х.Д. вполне могут быть довольны: их усилия и труды, весьма напряженные и тщательные по проработке пьесы, пребыли не втуне. А зрителям остается только пожелать, чтобы подобного рода представления повторялись как можно чаще.

Владимир Н. Ильин.

КРУЖОК ПО ИЗУЧЕНИЮ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Уже давно наш дорогой Юрий Игоревич Демидов мечтал о том, чтобы создать кружок по изучению Русской Культуры. В лагере 1962 г. Ю. И. Демидов поведал об этом студентам и многие, из студенческого лагеря, изъявили желание принять участие в работе этого кружка. Юра Кукловский изъявил готовность быть секретарем кружка и взял на себя труд по собиpанию людей, рассылке повесток. Сам Ю. И. Демидов надеялся, что многие откликнутся на его призыв. Ю. И. Демидов поставил себе задачей давать правильное освещение всем историческим событиям предреволюционной России и хотел показать и раскрыть положительные ценности русской культуры и способствовать правильному пониманию всех общественных движений России XIX и XX в. в.

К сожалению, на собрания ходило немного народу, но это совсем не смущало нашего дорогого Ю. И. Демидова, который всегда повторял: «Ничего, сначала всегда немногие откликаются, потом-же появится интерес и у других».

Накануне своего отъезда в госпиталь Ю. И. Демидов читал доклад о главных исторических событиях XIX в., следующий-же доклад Ю. И. хотел посвятить «Славянофилам», но сему не суждено было сбыться, так как в середине февраля Ю. И. неожиданно скончался.

Члены кружка решили продолжать работу, начатую Ю. И. Демидовым, и надеются, что все те, которые любили Ю. И. будут приходить на собрания кружка по изучению Русской Культуры.

Таня Алферова

НЕДЕЛЯ МОЛИТВЫ О ЕДИНСТВЕ ХРИСТИАНСКОГО МИРА ПАРИЖ

Эта неделя совместной молитвы христиан всего мира — доброе семя, посеянное французским католическим священником из Лиона, abbé Paul Couturier, еще в 1930 годах, обычно начинается 18 января и 24-го кончается; в 1963 году уже 10 января Л. А. Зандер положил начало докладам, volna которых добежала до двух первых недель февраля месяца!

Встречи в этом году были еще более оживленными чем в прошлом. К дверям самых больших парижских зал, несмотря на колючий январский холод, спешили толпы верующих: сперва бросались в глаза группы бодро шагающих монашек различных орденов, спешили старые аббаты и молодые викарии, добирались и самые скромные обыватели кварталов, райки наполнялись студенческой молодежью, которая часто открывала собрания песнопениями, подхваченными всеми участниками; на больших собраниях нередко присутствовал один из викарных епископов парижской епархии. При входе в залу организовывалась продажа католических, протестантских и православных книг. Книжный магазин Р.С.Х.Д. проявил в этом деле инициативу. На собраниях присутствовало несомненно подавляющее большинство женщин, и это может-быть верно указывало на факт, что жажда к единству проникла уже в массу верующих.

С тех пор как участие в екуменических собраниях было широко открыто католикам самим Папой, в связи с созывом Ватиканского собора, если не посвященного, то хотя бы обращенного к проблеме единства, то новый и сильный подъем католических верующих радостно наконец сознающих свою роль в общем деле единения Церквей, преобразил дотоле малолюдные встречи недели единства в целое событие, на которое теперь пространно откликается пресса. Всех собраний и докладчиков парижского района невозможно перечислить — католический секретариат по сношению с инославными, выпуская хронологическую программу «недели» указывал на 70 встреч...

В этом году надо отметить и тот факт, что Неделя молитвы о единстве последовала вскоре после первой сессии Ватиканского собора, вследствие чего темы о единстве тесно сплетались с вопросами о роли собора в перспективе единения Церквей, посему и прислушивались больше всего к инославным наблюдателям, приглашенным на первую сессию, а также и к видным католическим участникам Собора, недавно вернувшимся из Рима. Особенно отмечены были выступления пастора Hébert Roux, наблюдателя от Реформатской Церкви на Соборе; настоятеля протестантского монастыря в Taizé пастора Roger Schutz, профессора Oscar Cullmann, известного доминиканского «эксперта» Собора (то-есть богослова) Yves Congar, наконец свящ. Michalon, продолжателя дела аббата Paul Couturier, о котором говорилось выше.

Трудно передать содержание хотя бы некоторых докладов в краткой заметке, поэтому постараемся указать на несколько тем, которые повторно слышались на разных собраниях и которые как бы указывают на «степень» христианских чаяний на пороге 1963 года.

Со стороны католиков:

Единство не должно являться как некое лишь зрелище гармонии, которое христиане сами же для себя бы устраивали, оно также не должно походить на «христианский фронт», стройно обращенный к неверующему миру... Наша задача, как учеников Христовых, это твердо помнить, что единение христианского мира является прежде всего исполнением воли Отца Небесного не нашими путями, домыслами, а теми путями, которые сам Бог нам укажет.

Путь к единению, в настоящий момент, лежит в честном отношении к Откровению Божию; христианин не должен **повышать** или **понижать** свое исповедание веры в зависимости от влияния разных богословских школ...

Екуменический диалог лишь тогда возможен, когда христиане одного исповедования признают свою связь с другими в Духе Святом. Первый шаг богословской работы на ниве сближения сказался у католиков в употреблении нового термина для обозначения инакововерующих: «схизматики», ставшие недавно «отделенными братьями», теперь именуются «братьями в крещении». Единое крещение является как бы вертикальным мерилем нашего единства, указал доминиканец о. Dupuy (из Saulchoir), нам же надлежит актуализировать данный Богом дар в горизонтальном измерении наших взаимоотношений.

В какой стадии находятся взаимоотношения между вероисповеданиями? «Христиане сейчас находятся в стадии **наблюдения**, которая должна привести к стадии общего свидетельства» отвечает тот же доминиканец.

Католическая Церковь начала остро чувствовать необходимость серьезно подготовить диалог со всеми христианами; но ее первый шаг мудр: она, на Соборе, решила начать с своего собственного обновления и это — при свидетелях инославных. Это новый факт, решительный выбор соборного пути разрешения трудностей. Дом. Yves Congar сказал по этому поводу: «C'est la première fois que l'Eglise Catholique entre dans une structure de dialogue»*) и многозначительно добавил: «Мы теперь видим весну, а до того была зима...».

Со стороны протестантов:

Пастор Н. Roux говорил: довольно нам, протестантам, настаивать на двух сторонах Церкви: церковь видимая и невидимая! Недостаточно говорить лишь о «духовном единстве»! **Подлинное единство** должно быть видимо, оно должно быть **видимым знаком** единой Церкви.

Момент реформы самой Католической Церкви как бы психологически сближает католиков с протестантами, ибо по началу протестанты именно и жаждали этой реформации. Теперь «взаимопонимание увеличилось, сотрудничество началось», сказал проф. О. Cullmann; он, как и пастор Н. Roux был наблюдателем на Ватиканском соборе и искренно высказывал свою радость о новом создавшемся климате в отношениях с католиками. Он же честно отметил что присутствие наблюдателей на соборе

*) В первый раз, Католическая Церковь встает на путь создания официальных структур для диалога.

не есть еще ни решение всех вопросов ни сдача протестантских позиций: «каждый пусть верно несет свое собственное свидетельство».

Со стороны православных в Париже выступали еп. Кассиан, о. А. Князев, о. Б. Бобринской, Л. А. Зандер, П. А. Струве и др.

Что касается православной Церкви вообще, то можно сказать, что она не дает общего ответа на экуменическую проблему и ни откуда не получает директив для «общего поведения». В разных частях православного мира по-разному воспринимается движение к единству. Как общая характеристика, православное отношение к экуменическому вопросу определяется тем, что Православие крепко живет сознанием неразрывной связанности своей жизни с древними истоками. Православие живет, сознавая свою полноту церковной жизни во Христе. В силу этого векового внутреннего равновесия православный человек легко и безопасно для себя общается с протестантами и католиками. В данный момент диалог между протестантами и католиками переживает новую стадию более мирных сношений, но и католики и протестанты знают, что истинный экуменический диалог осуществляется тремя. Несомненно, православие играет свою роль в эволюции экуменического движения.

Ксения Куломзина

Открыта подписка на новую книгу профессора
прот. Василия ЗЕНЬКОВСКОГО

ОСНОВЫ ХРИСТИАНСКОЙ ФИЛОСОФИИ

ТОМ II.
ХРИСТИАНСКОЕ УЧЕНИЕ О МИРЕ

Деньги просим направлять по адресу:
Les Editeurs Réunis,
11, rue de la Montagne-Ste-Geneviève
Paris 5°. C.C.P. Paris 13313-73.
Стоимость книги по подписке: 10 франков.

ВЕСТНИК

Русского Студенческого Христианского Движения
XXVIII-й год издания

ПРЕДСТАВИТЕЛИ «ВЕСТНИКА»

- Во Франции:** Подписную плату просим вносить на почтовый счет P.C.X.D.: C.C.P. Paris 2441-04, Action Chrétienne des Etudiants Russes, 91, rue Olivier de Serres, Paris-15°. Подписная плата на год: 10 Ф., с целью поддержки — 15 Ф.
- в Америке:** Mrs Olga Polivanov. 853, Riverside Dr. Apt. 4 g. New-York 32, N. Y. (U.S.A.).
- San Francisco** Miss. Olga Raevsky. 1418-24th Ave. San Francisco 22, Calif. U.S.A. Подписная плата на год: 3 долл., с целью поддержки — 5 долларов.
- в Англии:** Подписная плата на год: 15 s.
- в Германии:** Herr A. Beerwald. (14a) Dornstadt bei Ulm. Altenheim. Deutschland. Подписная
- в Канаде:** Mr. O' Str. West-
- в Швеции:**

Tous droits de tr

ive.

Редакция «Вест-
ность тем чит-
за 1963 год, и

Каждая Ваша

Распростр-
и зн

636

~~СПРАВОЧНИК~~